

АКАДЕМ Я НАУК СССР
ИТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

А. И. АЛЕКСЕЕВ

РУССКИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И В СЕВЕРНОЙ
АМЕРИКЕ

(XIX—начало XX в.)

824809

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976

Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX века). Алексеев А. И. М., «Наука», 1976.

Книга входит в серию «Русские географические исследования в XIX — начале XX в.» Прослеживается история географических исследований в этом регионе за 120 лет. Особое внимание уделено Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Рассказывается о путешествиях по Амуру и Уссури, об исследованиях на Сахалине. Широко использованы архивные материалы.

Книга рассчитана на историков, географов, краеведов и всех, кто интересуется историей географического изучения Дальнего Востока.

Рис. 15.

Редакционная коллегия

А. И. СОЛОВЬЕВ (ответственный редактор),
В. А. ЕСАКОВ, И. А. ФЕДОСЕЕВ

Александр Иванович Алексеев

**Русские географические исследования
на Дальнем Востоке и в Северной Америке
(XIX — начало XX в.)**

Утверждено к печати

Институтом истории естествознания и техники АН СССР

Редактор издательства Б. С. Шохет.

Художник А. Г. Кобрин. Художественный редактор В. А. Чернецов.

Технический редактор Р. Г. Грузинова

Корректоры Л. Ф. Кривенко, Р. П. Шаблеева

Сдано в набор 18/VIII 1975 г. Подписано к печати 4/II 1976 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 6,25. Уч.-изд. л. 6,7.

Тираж 3900. Т-03430. Тип. зак. 4662. Цена 42 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение XVIII в. северное, северо-западное, северо-восточное побережье Охотского моря, восточные берега Камчатки и Чукотки, Курильские и Алеутские острова, часть побережья Аляски были нанесены на карту и довольно подробно изучены в географическом отношении. Велика в этом деле роль русских землепроходцев и мореходов, таких, как И. П. Козыревский, Д. Я. Анцыферов, Е. С. Басов, М. В. Неводчиков, А. Толстых, С. Г. Глотов, Г. Л. Прибылов и многие другие.

Благодаря деятельности геодезистов, офицеров Великой Северной экспедиции во главе с В. И. Берингом и А. И. Чириковым, были открыты Северная Америка со стороны Тихого океана и Алеутские острова, описаны некоторые внутренние районы Дальнего Востока. С. П. Крашенинников дал классическое описание полуострова Камчатка в широком естественно-историческом аспекте.

Офицеры Охотской (Сибирской) флотилии и Сибирского гарнизона дали описание отдельных районов русского побережья Тихого океана и Северной Америки: В. А. Хметевский и И. А. Балакирев — Пенжинской и Гижигинской губ., Ф. Х. Плениснер и Т. И. Шмалев — р. Анадырь, Т. И. Шмалев оставил также географическое описание всего побережья от Чукотки до Охотска. Чукча Н. И. Дауркин составил карту северо-востока Азии. Экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова и И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева произвели съемку Алеутских островов; И. И. Биллингс дал первое описание внутренних районов Чукотки.

Но все же главное в русских географических исследованиях в бассейне Тихого океана в XVIII в.— это широкий размах морских экспедиций, основной целью которых было изучение Курильских и Алеутских островов, берегов Северной Америки. Практическое освоение этих районов, организация Г. И. Шелиховым Российско-Американской компании в конце XVIII в. создали необходимые предпосылки для дальнейших географических исследований в XIX в.

**РУССКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ
С НАЧАЛА XIX В. И ДО 60-х ГОДОВ**

**РАБОТЫ ОФИЦЕРОВ И СЛУЖАЩИХ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ.
ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕВЕРНУЮ АМЕРИКУ
Н. А. ХВОСТОВА и Г. И. ДАВЫДОВА**

Создание Российско-Американской компании в 1799 г. Г. И. Шелиховым и А. А. Барановым оказало влияние на весь ход торговых отношений России со странами восточной и юго-восточной Азии и значительно укрепило ее положение на Тихоокеанском побережье. Однако со временем Компании было все труднее самостоятельно охранять свои торговые коммуникации, и она вынуждена была просить помощи у правительства. Снабжение Компании и населенных пунктов на Дальнем Востоке и в Северной Америке через Сибирь становилось с каждым годом все затруднительнее, так как все больше грузов шло по трудным и дальним сибирским трактам. В Охотске их перегружали на корабли Охотской флотилии и Компании и, преодолевая трудности плавания по Охотскому морю и Тихому океану, доставляли с большими потерями и всегда с запозданием во владения Российско-Американской компании. Ввиду того, что мореходы Охотской флотилии в большинстве своем были самоучки-практики, Главное правление Компании в числе прочих привилегий получило право нанимать офицеров военно-морского флота к себе на службу. Первыми офицерами, поступившими на службу Компании, были Николай Александрович Хвостов и Гавриил Иванович Давыдов.

Перед отправлением на Дальний Восток Хвостов был принят Николаем Петровичем Резановым, одним из руководителей Компании. Резанов готовился к дипломатической миссии по установлению торговых отношений с Японией и должен был плыть в составе первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. 12 августа 1802 г. Г. И. Давыдов и Н. А. Хвостов прибыли в Охотск и отсюда начали плавание к Аляске. Они отлично справились с заданием и 30 октября доставили на судне «Св. Елизавета» продовольствие на о-в Кадьяк. Рейс из Охотска был сделан без захода в Петропавловск. Плавание само по себе было весьма примечательным. Офицеры осмотрели весь остров и его окрестности. 26 июня 1803 г. они вышли в обратный путь и благополучно, опять-таки без захода

на Камчатку, возвратились 22 августа в Охотск. Отсюда Хвостов и Давыдов выехали в Петербург, но не надолго. На следующий год они снова поспешили в Охотск и прибыли туда в конце августа 1804 г. Отсюда они отправились на Аляску на судне «Мария», но позднее время заставило моряков идти на зимовку в Петропавловск. Здесь Хвостов и Давыдов 5 июня 1805 г. встретились с Н. П. Резановым, прибывшим на корабле «Надежда», которым командовал И. Ф. Крузенштерн.

Как известно, Н. П. Резанову не удалось в полной мере исполнить поручение правительства — договор с Японией не был заключен, но зато было получено разрешение на приход ежегодно русского корабля для торговли в порт Нагасаки. Встретившись в Петропавловске с Хвостовым и Давыдовым и сходясь с ними в Русскую Америку, Резанов поручил им экспедицию на Южный Сахалин, целью которой было поднятие русского флага на юге острова.

По прибытии в Охотск на бриге «Юнона», специально купленном для экспедиции, Резанов сошел на берег, а Хвостов и Давыдов в течение 1806-1807 гг. дважды побывали в заливе Анива на Сахалине, где подняли русский флаг и объявили о принадлежности всего острова России. Моряки побывали и на острове Итуруп. 22 июня 1807 г. они подошли к острову Хоккайдо, а затем возвратились в Охотск 16 июля того же года.

Осталось обстоятельное описание путешествий, представляющее интерес для исторической географии, сделанное Г. И. Давыдовым¹. В нем освещено, главным образом, первое путешествие. Часть первая представляет собой обработанные записи дневника, который автор вел по пути из Петербурга в Америку. Здесь можно найти интересные заметки по этнографии, географии, климату Сибири, Дальнего Востока и гидрографии Охотского моря и Тихого океана. Приведем примеры. Переваливая через современный Джугджур, Давыдов сделал любопытные записи: «Верст 6 от Верблюжей пади находится ледник, называемый Бусь-Кюль (Ледяное озеро); он длиной более версты, а шириною около 200 сажен, и сказывают, обыкновенно бывает гораздо обширнее. Лед сей никогда весь не растаивает, толщина онаго около аршина, поверхность беловата, но в низу синь и от дождей сделался ноздреват»². Давыдов под ледником подразумевает наледи, образованию которых он не дает объяснения.

Давыдов не упускал случая разузнать происхождение географических названий. Так, он пишет: «В 10 верстах от станка оставили в левой стороне гору Тасх-Танара Балагана. Тасх значит камень, Танара Бог, а Балагана церковь, и сие имя произошло от найденного некогда на сей каменной горе образа»³.

¹ Г. И. Давыдов. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним, ч. I и II. СПб, 1810.

² Г. И. Давыдов. Указ. соч., ч. I, стр. 105.

³ Там же, стр. 99.

Г. И. ДАВЫДОВ
(1781—1809 гг.)

А вот географическое описание места стоянки в бухте о-ва Танага: «Северный (берег.— А. А.) состоял из высоких гор, между коими три отменно возвышались, особливо средняя, окончивающаяся острою коническою вершиною; восточная же, огнедышущая, испускала дым. Вершины всех трех покрыты новым снегом, который белизною своею отличался от старого, имеющего синеватый цвет. В лощинах также лежало много снега. Южный берег сей губы несравненно ниже и оканчивался низменным каменистым мысом»⁴.

Давыдов одним из первых дал описание сулоев и объяснил в общем и целом правильно их происхождение. «Алеутские и Курильские острова составляют препону приливу и отливу, направление которых идет через проливы, разделяющие сии острова. Столь великое количество воды, стремясь сквозь узкие проливы, причиняет в оных весьма быстрыя течения, как во время прилива, так и во время отлива. При перемене течения, вода спирается с шумом в проливе, производит плещущия волны и стремления самыя неправильныя, иногда кругообразныя. Сие

⁴ Там же, стр. 170.

продолжается до того времени, как новое течение осилит прежнее; тогда оно делается чрезвычайно быстро, но по малу уменьшается; а волнение, или всплески, начинают также утихать. Таковые быстрины называются здесь сулоем»⁵.

Вторая часть сочинения Давыдова, изданная в 1812 г., полностью посвящена описанию о-ва Кадьяк, Кенайской губы (залив Кука) и обитавших там жителей. Центральное место занимает впервые в истории данное подробнейшее описание о-ва Кадьяк: его географическое положение, описание жителей острова, их одежды, жилищ, нравов и обычаев, образа жизни, болезней, обрядов на свадьбах и похоронах, игр, плясок, их представлений по истории, географии, арифметике и астрономии. Кроме этого специальным приложением даются словари наречий народов, обитающих между заливами Чугачким и Якутатом, а также около Кенайской губы (залив Кука). В книге можно найти сведения о климате, землетрясениях, полезных ископаемых Кадьяка, о животном и растительном мире.

Интересны выводы Давыдова о климате, к которым он пришел в результате семи с половиной месяцев пребывания на Кадьяке. «Берега Азии и Америки, омываемые Северным морем и Восточным океаном, подвержены сырости и туманам. Климат в приморских местах не холоден, судя по широте оных, но дождлив и вреден для здоровья. Притом в середине лета никогда не чувствуют больших жаров, конечно по причине положения их близ обширных морей и ветров, непрерывно почти дующих. На полуострове Аляске, состоящем из цепи весьма высоких гор, зима несравненно холоднее, чем на Кадьяке, хотя оный отделяется только проливом в сорок верст от Аляски»⁶.

Описывая Кадьяк, Давыдов говорит, что остров «подобно другим землям сей части света, состоит из хребтов каменных гор, между коими однако инде лежат полосы хорошей земли, удобной для сенокосов и хлебопашества, так что скотоводство на острове сем довольно удачно разводится»⁷. Молодой офицер не упускает случая записать и передать любопытные сведения о землетрясениях, которые часто бывали на Кадьяке. Об одном, наиболее сильном, Давыдов написал так: «В 1788 году остров сей и окрестные земли претерпели сильное землетрясение, продолжавшееся в течение 17 дней. В сие время у огнедышущей горы, что на Аляске за Камышатскую губую, сделалось в боку новое отверстие, из коего поныне дым выходит. После первых ударов море вдруг отступило от берегов; тогда коняги и русские побежали в горы. Через несколько минут вода с великим стремлением и как бы горою полилась на берег. Сим приливом сорвало со швартовов судно, и поставило оное на крышку юрты; некоторые же юрты водою совсем снесло. В тот же день случи-

⁵ Г. И. Давыдов. Указ. соч., ч. I, стр. 178.

⁶ Там же, ч. II, стр. 150.

⁷ Там же, стр. 157.

лись еще два подобные прилива и отлива. В продолжение 17 дней происходили по временам жестокие удары, от коих горы и берега обваливались; а от обрушения мысов сделалось много отдельных скал»⁸. Это — одно из ранних описаний цунами. Пожалуй, в русской литературе оно является первым.

Талантливый морской офицер Г. И. Давыдов рано погиб (1809 г.) и не успел завершить обработку записей своего второго плавания в Америку и, особенно, интересного путешествия на Курильские острова и к Южному Сахалину. Во всяком случае, несомненно, что рассмотренная книга Г. И. Давыдова — первое русское сочинение о природе островов и побережья Аляскинского залива, побережья Северной Америки. До него существовало только описание Г. Стеллера, участника экспедиции Беринга, проведенного на берегу всего несколько часов. Экспедиция Н. И. Биллингса — Г. А. Сарычева не могла с такой подробностью заняться описанием этого побережья. Хвостов и Давыдов — первые русские исследователи Аляски начала XIX в.

Расцвет деятельности Российско-Американской компании был немыслим без географического изучения территории, контролируемой Компанией. Правители Компании сравнительно регулярно организовывали специальные экспедиции по исследованию внутренних частей Аляски, по описанию прибрежных островов. Много географических открытий было сделано попутно, во время многочисленных плаваний компанейских судов в северной части Тихого океана и у западных берегов Америки.

Инициатор и организатор Компании знаменитый Г. И. Шелихов в 1790 г. поручил управление Компанией А. А. Баранову, который после смерти Шелихова стал главным правителем Компании, и оставался на этом посту 28 лет, почти до своей смерти. Деятельность Компании, возглавлявшейся Барановым, имела огромное значение для расширения географических представлений о Русской Америке. Баранов организовал ряд экспедиций на Аляске, в которых часто сам принимал участие. Он провел перепись местного населения, изучал его быт, вел записи своих наблюдений, заводил школы для местных жителей. Он отстоял в трудной и сложной обстановке Русскую Америку от посягательств английских и испанских колонизаторов и успешно расширил границы деятельности Компании.

Во всех начинаниях Баранова верным его помощником и сподвижником в течение всех 28 лет был Иван Александрович Кусков. Попытаемся выделить моменты жизни Кускова, которые лучше всего характеризовали бы степень участия Кускова в делах Компании.

Из Охотска Кусков перебрался на о-в Кадьяк и помогал русским переселенцам осваиваться на новых местах; основал поселение в Чугацком заливе; начальствовал в Нучеке. На о-ве Ба-

⁸ Там же, стр. 154—155.

ранова (Ситха) строилась столица Русской Америки — город Ново-Архангельск. В 1802 г. Баранов послал Кускова исследовать р. Медная (Коппер) и тот отлично справился с поручением.

В 1803—1804 гг. посланные Барановым на юг на байдарках мореходы Швецов и Тараканов достигли бухты Сан-Диего (33° с. ш.), а в 1808 г. — у 38° с. ш. залива Бодега, названного ими бухтой Румянцева, к северу от входа в залив Сан-Франциско (Калифорния).

Осенью 1808 г. Кусков на двух судах, «Кадьяк» и «Николай», отправился на юг для осмотра берегов. «Николай» во время крушения погиб, а «Кадьяк», на котором был сам Кусков, добрался до залива Бодега. Здесь Кусков обратил внимание на места, удобные для заселения и для сельского хозяйства. Самым трудным делом было снабжение русских поселений в Северной Америке продовольствием, в частности, хлебом, и Баранов принимал все меры к тому, чтобы выращивать рожь, пшеницу на месте. Кускову понравилась местность на побережье солнечной Калифорнии южнее зал. Бодега, и он решил закрепиться там. С этой мыслью Кусков возвращался в Ново-Архангельск. На обратном пути он тщательно осмотрел о-ва Шарлотты.

Походы Кускова к облюбованному заливу Бодега продолжались и в 1809—1812 гг. В 1810 г. попытка окончилась неудачно. От о-ва Дундас, одного из о-вов Шарлотты, экипажу судна «Юнона», на котором шел Кусков, пришлось вернуться.

В 1811 г. путешествие окончилось благополучно. Судно Кускова зазимовало в заливе Бодега и отважный мореход сумел во время зимовки установить тесный контакт с вождями местных племен и договорился о выделении земли для русского поселения. А в 1812 г. Кусков успел сходить на Ситху и обратно и привезти необходимые для первоначального устройства материалы и запасы.

Скоро к северу от залива Бодега и недалеко от гавани Сан-Франциско, в Калифорнии вырос русский форт Росс, укрепленный поначалу десятком орудий. «Его бастионы возвышались над краем берегового утеса. Жилища Росса были сложены из бревен красной сосны — чаги. С утеса можно было видеть долину реки Славянки (р. Сакраменто.— А. А.), вход в которую сторожили камни, известные под названием Славянских ворот. На островах при входе в залив Сан-Франциско, на знаменитых Ферлонских камнях, выросли русские избы»⁹. Форт Росс существовал с 1812 по 1841 г., Кусков управлял им без перерыва до 1821 г.

Несмотря на всю энергию и предприимчивость Кускова, несмотря на завоз в форт домашних животных и зерна для посева превратить форт Росс в житницу Русской Америки не удалось. Не совсем благоприятным оказался участок земли на бе-

⁹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 82.

регу моря, облюбованный Кусковым и выделенный для земледелия. Почва была засолена постоянными ветрами с моря, не было у селения хорошей естественной гавани, суда могли стоять на якоре на рейде только при северо-западных ветрах¹⁰.

Чтобы выйти из затруднительного положения, Кусков построил искусственную гавань и даже судостроительную верфь, с которой в 1818 и 1819 гг. были спущены два судна, но это не решало дела. Снабжение Русской Америки продовольствием по-прежнему шло морем: из Кронштадта и из стран Тихого океана, с которыми Баранов вел широкую торговлю.

Разносторонняя деятельность Кускова в Калифорнии принесла большую пользу Российско-Американской компании. Форт Росс стал форпостом Компании на Тихом океане. Сюда приходили корабли, здесь совершались выгодные торговые сделки. Однажды Кусков на судне «Мария» доставил в Охотск двадцать тысяч испанских пиастров, которые он выручил от торговли в форте Росс. Поселенцы исследовали окрестности заливов Бодега и Сан-Франциско, реки на побережье. Сам Кусков обследовал залив Тринидад (Св. Троицы), открыл вулканы на побережье.

В 1812 г., например, в форте проживало постоянно 25 русских и 100 алеутов-зверолюбов. Жили с индейцами дружно, ходили друг к другу в гости. Есть сведения, что только за шесть лет зверолюбы Росса добыли около девяти тысяч котиков, занимались и земледелием. Сеяли пшеницу и ячмень, разводили виноград, выращивали редьку. У жителей форта были коровы, овцы, лошади, свиньи.

Кусков покинул форт в 1821 г., когда в форт прибыл другой начальник. В 1822 г. Кусков возвратился на родину, где он хотел провести остаток своих дней. В 1823 г. Иван Александрович Кусков умер в Тотьме (род. в 1765 г.), где и похоронен.

В 1818 г. Петр Устюгов обследовал Бристольский залив. В 1821—1822 гг. Адольф Карлович Этолин исследовал устье р. Кускоквим, а в 1829—1830 гг. совместно с Михаилом Дмитриевичем Тебеньковым — залив Нортон. Заслуживают внимания исследования Александра Филипповича Кашеварова, который в 1838 г. сделал съемку северного берега Америки от современных залива Коцебу до мыса Врангеля. Экспедиция Кашеварова не нашла должного освещения в литературе. Целью ее было продолжить проводившуюся сперва Д. Куком, а затем в 1821—1822 гг. М. Н. Васильевым и в 1826—1827 гг. английским капитаном Ф. Бичи опись северо-западных берегов Америки. Для этого, высадившись с доставившего его к мысу Лизбурн судна «Полифем» под команду прапорщика корпуса флотских штур-

¹⁰ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, стр. 227; Сб. «Отечественные физико-географы и путешественники». М., 1959, стр. 130.

манов И. А. Чернова, А. Ф. Кашеваров продолжал дальнейший путь в шестивесельной байдаре в сопровождении четырех трех-лючных байдар. Всего в экспедиции Кашеварова участвовало 18 местных жителей.

А. Ф. Кашеваров сумел на пяти байдарках пройти вдоль американского берега и описать его дальше мыса Барроу — крайней точки, достигнутой капитаном Бичи, на 30 миль. Дальнейшее продвижение пришлось прекратить и, совершив на байдарках до 850 итальянских миль, возвратиться к о-ву Шамизо, в заливе Коцебу, где байдары ждал «Полифем», на котором все участники плавания возвратились в порт Ново-Архангельск¹¹.

Важное значение для исследования внутренних частей Аляски, изучения режима крупнейших ее рек — Квихпака и Кусковима имели путешествия Лаврентия Алексеевича Загоскина (1841—1844 гг.), во время которых реки были описаны почти на всем протяжении от верховья до устья. У Загоскина были и предшественники в изучении этой территории: служащие Российско-Американской компании Семен Лукин, Федор и Петр Колмаковы, Василий Малахов, Андрей Глазунов и другие неоднократно посещали долины великих рек Аляски, основывая там русские селения — редуты. В конце 20-х и в начале 30-х годов в юго-западном районе Аляски работала экспедиция прапорщика корпуса флотских штурманов Ивана Яковлевича Васильева.

Все эти экспедиции в какой-то степени помогли успешному завершению экспедиции Л. А. Загоскина, но их результаты нельзя сравнивать с результатами экспедиции Загоскина. Превратившись из промышленного похода, задачей которого являлось нахождение и выяснение наиболее удобных внутренних путей торговли с местными жителями, в научную экспедицию, путешествие Загоскина открыло для науки внутренние районы Аляски. Его неустанными трудами была составлена генеральная карта северной части Аляски, примыкающей к Берингову морю; им добыты и доставлены ценнейшие сведения по общей географии Аляски, ее климату, гидрологии; исключительно важными являются и этнографические исследования. Книга-отчет Загоскина о своем путешествии¹² стала не только ценным научным исследованием, но и настольной книгой для чтения всех любителей природы.

Л. А. Загоскин поступил на службу в Российско-Американскую компанию в 1838 г. 30 декабря того же года он отправился через Сибирь в Охотск, куда прибыл в начале июля 1839 г. Уже в первом походе морем в Северную Америку Загоскин вел астрономические и гидрографические наблюдения и публиковал свои впечатления в журнале «Маяк» за 1841—1842 гг. Им рас-

¹¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 369, лл. 5—6.

¹² Л. А. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке. Части I и II. СПб., 1847—1848.

Л. А. ЗАГОСКИН
(1808—1890 гг.)

сказано о путешествии по Сибири, Охотскому морю и северной части Тихого океана, а также дано описание жизни и быта Ново-Архангельска, его жителей. Вместе с тем Загоскин тщательно изучает историю исследования Аляски, готовится к будущим морским походам во владения Компании.

В течение 1840—1842 гг., командуя последовательно бригом «Байкал» и корветом «Елена», Загоскин обошел все владения Компании: на «Байкале» сходил в Охотск и вернулся в Ситху (Ново-Архангельск.— А. А.), а на «Елене» — в Калифорнийский залив. На обратном пути с Загоскиным шел препаратор Академии наук И. Г. Вознесенский; от него Загоскин почерпнул много знаний и полезных сведений по антропологии и этнографии.

Загоскин вызвался осуществить по заданию Компании экспедицию внутрь Аляски, задачи которой он видел не только в решении практических вопросов (поиски торговых путей во внутренние части Аляски), но и «для обозрения и описи системы вод, орошающих внутреннюю страну наших северных американских владений»¹³.

¹³ Л. А. Загоскин. Указ. соч., ч. I, стр. 106.

4 мая 1842 г. экспедиция на бриге «Охотск» вышла из Ново-Архангельска и 10 июля высадилась у Михайловского редута (зал. Нортон.— А. А.). По пути туда были описаны Шумагинские острова, остров Уналашка, остров Павла (в группе островов Прибылова), остров Св. Матвея, частично остров Св. Лаврентия. Из Михайловского редута было организовано несколько зимних и летних походов по Квихпаку и Кускоквиму. Исследовательские работы закончились 5 августа 1844 г., когда Загоскин на том же бриге «Охотск» вышел из Михайловского редута и 26 сентября прибыл в Ново-Архангельск. Самая крупная в истории исследования внутренней Аляски экспедиция была окончена с отличными результатами.

Загоскин вел регулярные метеорологические наблюдения, собирал коллекции по естественным наукам, по антропологии, этнографии. 26 февраля 1843 г. он записал: «От мыса Илькутляля прибрежные горы, отдаленные от берега в материк до пяти миль, подступают к реке, в миле выше жила (жилья, селения.— А. А.) Уныльгачтох, утесом слишком тысячу фут вышины: туземцы доставляют из него глину для домашней своей посуды и потому называют Уныльгача «горшковой»¹⁴.

Ни на минуту не упуская интересов Компании, Загоскин не забывал и о научных занятиях, описывая плёсы, берега, проводя наблюдения за уровнем воды в реке, систематически производя астрономические определения. Все это записывалось, заносилось на карту в чрезвычайно трудных условиях. Научные результаты экспедиции, добытые с такими ничтожными средствами, превзошли все ожидания. Были описаны и положены на карту бассейны рек Квихпака и Кускоквима, а также южная и западная части залива Нортон¹⁵. При этом астрономически определено 40 пунктов, послуживших надежной основой для нанесения на карты указанных рек и их притоков.

Метеорологические наблюдения дали ценный материал об основных закономерностях климата Аляски. Загоскиным были собраны большие коллекции по зоологии, ботанике и минералогии. И, наконец, исключительную ценность представляют собой работы и материалы Загоскина по этнографии и статистике населения исследованной им части Аляски. Критики того времени свидетельствовали, что Загоскин «не только исполнил поручение колониального начальства, но обогатил науку своими исследованиями этого отдаленного и малодоступного края. Поэтому его «Пешеходная опись» книга, столько же занимательная для обыкновенных читателей, сколько полезная для ученых»¹⁶.

В 1847—1848 гг. побережье Аляски и внутренние районы ее

¹⁴ Л. А. Загоскин. Указ. соч., ч. I, стр. 107.

¹⁵ Карта части русских владений в Америке Загоскина, 1842—1844 гг. (№ 192). Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М., «Наука», 1964.

¹⁶ Сын Отечества. СПб., кн. 9, 1848, критика, стр. 42.

описывал штурман Руф Серебренников; в частности, он оставил описание р. Медная (Коппер.—А. А.). Р. Серебренников погиб во время путешествия со всеми пятью спутниками. Но по некоторым записям, сохранившимся в дневниках, астрономическим тетрадам и черновой карте А. П. Соколов сделал описание этого путешествия, из коего следует, что, подойдя на трех байдарах 14 августа 1847 г. к устью р. Медная, путешественники стали подниматься вверх по одному из рукавов р. Ани. Продолжая подъем, 4 сентября прибыли в местечко, называемое Одинокая, на широте $61^{\circ}28'39''$. Здесь они остановились на зимовку, которая проходила в трудных условиях. 16 мая 1848 г. отправились дальше вверх по реке. По пути осмотрели Плавежное озеро. Серебренников оставил его описание: «Плавежное озеро простирается по меридиану, на юге заворачиваясь несколько к юго-востоку, примыкая здесь к хребту высоких, льдами покрытых гор, а в других частях ограниченное низменною тундрой. С западной стороны впадают в него две речки, у одной из которых, по словам туземцев, есть дорога к Кенайской губе (зал. Кука) дней двенадцати ходу. Лес только на южном берегу. На месте пристанища и близко южной оконечности озера, определены широты места, по полуденным высотам: $62^{\circ}2'32''$ и $62^{\circ}1'40''$ »¹⁷.

Путешествие продолжалось вверх по р. Медная (Коппер) до широты $62^{\circ}48'43''$, куда Серебренников пришел 25 июня. Дальнейший ход экспедиции остался неизвестным. Первое русское географическое описание р. Коппер, сделанное Серебренниковым, имеет большую историко-географическую ценность. Эта река, по описанию Серебренникова, «имеет направление: от устья миль на 100 к северу, потом миль на 90 к западу, и наконец опять к северо-востоку. В море впадает многими протоками, и один из них, западный, называющийся Ани, не достигая моря мили за три, обращается в противную сторону, к северо-западу, и впадает в залив Алаганик, открытый к юго-востоку. Самая река мелководна, довольно узка, местами не шире $\frac{1}{2}$ версты, но чрезвычайно быстра. Берега гористы, особенно правый»¹⁸. Эти сведения достоверны и подтвердились последующими исследованиями.

Можно было продолжать описание путешествий, проведенных служащими и офицерами Российско-Американской компании. Они велись ежегодно. В 1845 г., например, только в Гидрографический департамент были от Компании доставлены: три карты Алеутской гряды, составленные М. Д. Тебеньковым; карта южной части Курильской гряды, составленная подпоручиком А. М. Гавриловым; две карты проливов ко входу в Ново-Архангельск, исправленные командирами судов; карта залива Аян, описание того же залива, составленное В. С. Завойко и А. В. Савиным; генеральная карта северо-западной Америки, составленная

¹⁷ Записки Гидрографического департамента, ч. X, СПб., 1852, стр. 175—176.

¹⁸ Указ. соч., стр. 177.

Л. А. Загоскиным; одиннадцать карт Восточной Сибири: четыре — р. Мая (от устья до урочища Нелькан) и семь — р. Алдан (от впадения в него Май до устья)¹⁹.

Заканчивая рассмотрение географических исследований русскими Северной Америки в этот период, совершенно необходимо указать на сочинение И. Е. Вениаминова (архиепископа Иннокентия), 10 лет прожившего на Алеутских островах и издавшего «Записки об островах Уналашкинского отдела»²⁰.

Эта работа содержит богатейшие сведения, собранные им самим, а также такими естествоиспытателями, как А. Ф. Постельс, К. Г. Мертенс, А. Л. Шамиссо. Она по существу была первым научным естественно-историческим описанием Алеутских островов и значительной части Аляски (главным образом, южного берега полуострова).

В первой, географической части работы автор правильно подметил, что «все здешние острова и самый полуостров Аляска лежат правильно грядю, или цепью, от Юго-Запада к Северо-Востоку; и вообще почти каждый остров, отдельно, имеет то же направление»²¹. Он подчеркнул гористый характер островов и их вулканическое происхождение: «Многие горы, лежащие, или подле берегов, или иногда внутри островов, чашеподобными, или гребнистыми вершинами своими, или обрывистыми утесами, доказывают, что здешнее место и особенно самые горы были некогда под сильным и непосредственным действием подземного огня»²².

О характере береговой линии островов говорится, что южные берега менее изрезаны, нежели северные. И те и другие приглубы. Подмечена любопытная деталь, что во многих местах у островов море с течением времени отступало от берегов. Автор объясняет это тем, что «в бухтах и особливо на перешейках небольших островов, а также на косах или кошках видно, что холмы и бугры очень походят на волны моря и лежат всегда в параллель морского берега. Все таковыя прибыточные места состоят, или из песку, или мелкаго булыжнику»²³. Замечание Вениаминова совершенно правильно — характер береговой линии объясняется действием приливно-отливных течений и волнения.

Автор дает далее подробные характеристики почти всех островов и проливов между ними. Впервые в течение семи лет подряд автор вел на островах систематические метеорологические наблюдения и объяснил особенности климата. «О климате здешнем совсем нельзя заключать по сравнению с другими приморскими местами, лежащими в одинаковой и даже высшей ши-

¹⁹ Записки Гидрографического департамента, ч. IV, СПб., 1846, стр. II—III.

²⁰ И. Е. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Части I—III. СПб., 1840.

²¹ И. Е. Вениаминов. Указ. соч., ч. I, стр. 2.

²² Там же, стр. 5.

²³ Там же, стр. 7.

роте»²⁴, отмечает он. Вениаминов правильно указывает, что климат Алеутских островов зависит от ветров и на островах нельзя подметить правильного чередования времен года.

Работа И. Вениаминова явилась первым обобщающим географическим исследованием Алеутских островов и Аляски.

ИССЛЕДОВАНИЯ И. Г. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Особое место среди исследователей Дальнего Востока и русских владений в Северной Америке занимает препаратор Зоологического музея Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский. По поручению Академии наук он с 1839 по 1849 г. вел исключительно важные зоологические, ботанические и этнографические наблюдения в Русской Америке, на Алеутских, Курильских островах и на Камчатке, среди них немало географических.

Большой долголетний опыт работы в Зоологическом музее позволил Вознесенскому отлично провести экспедицию. Он не терял ни малейшей возможности пополнить свои коллекции. Даже возвращаясь в Петербург, он решил проделать этот путь морем, потому что «такое обратное мое путешествие будет выгодно Академии и полезно для ее Музеумов»²⁵. Вознесенский имел в виду, что пребывание в тропической области даст возможность найти новые материалы, составить новые коллекции.

Академия наук, представляя его к награде, дала такой отзыв о его деятельности во время этой выдающейся экспедиции. «Ученые плоды этой замечательной экспедиции богатством, разнообразием и важностью превзошли все ожидания Академии. Собранные им предметы из трех царств природы и по части этнографии заключались в 150 ящиках, доставивших богатейший материал нашим ученым естествоиспытателям. Множество новых видов и животных и растений уже описаны; число их дойдет до 400 и более. Горнокаменные породы, поступившие в Минералогический музей, дали возможность консерватору Академии К. И. Гревингу в 1848 г. издать орографический и геогностический очерк северо-западного берега Америки и Алеутских островов»²⁶. Кроме этой материальной пользы, принесенной Вознесенским Академии, особенно заслуживают внимания собранные им многочисленные заметки и большой запас верных рисунков. Сверх этого он обучал искусству препарирования многих лиц, проживающих в тех краях, которые продолжают ныне, по его наставлениям, собирать для Академии естественные произведения»²⁷.

²⁴ Там же, стр. 84.

²⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 15, л. 35.

²⁶ К. I. Grevingk. Die orographische und geognostische Beschaffenheit der N. W. Küste. Amerikas mit den angrenzenden Inseln. St. Petersburg., 1848.

²⁷ К. К. Гилъзен. Илья Гаврилович Вознесенский. Пгр., Академия наук. 1915. стр. 8—9.

И. Г. ВОЗНЕСЕНСКИЙ
(1816—1871 гг.)

Среди работ Вознесенского есть немало географических описаний, которые, к сожалению, в большинстве своем остались неопубликованными. Многочисленные материалы, собранные им, были использованы академиками К. М. Бэр, Ф. Ф. Брандтом, А. Ф. Миддендорфом, Л. И. Шренком и другими. Трудно найти и сейчас работу о Русской Америке, Курильских, Алеутских островах и Камчатке, в которой не было бы упомянуто имя замечательного натуралиста И. Г. Вознесенского.

В результате многочисленных русских исследований в первой половине XIX в. русские владения в Северной Америке, включая внутренние части Аляски, были настолько хорошо изучены в географическом отношении, что карты этих районов служили в некоторых местах более столетия. Все побережье Русской Америки имело гидрографическо-навигационное описание. Существовали географические описания и на многие внутренние части Русской Америки.

Первая половина XIX в., таким образом, характерна сосредоточением географических исследований в районе владений России в Северной Америке, на Алеутских и Курильских остро-

вах. Тихоокеанское побережье России исследовалось значительно слабее. Но, как мы увидим дальше, такие работы все-таки велись, а с середины XIX в., с начала работ Амурской экспедиции Г. И. Невельского, основное внимание стали уделять районам Дальнего Востока, особенно Японского моря, Амура и Сахалина.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ РОССИИ

Основная конфигурация побережий дальневосточных морей стала известна русским еще в XVIII в. Имевшихся материалов хватало для практической деятельности мореходов. От времени до времени описи, карты приходилось лишь подправлять, корректировать. Что же касается специальных экспедиций по географическому изучению внутренних территорий Дальнего Востока, то необходимо отметить, что их не было до начала 40-х годов. Географические исследования ограничивались теми работами, которые вели экипажи русских кораблей, совершавших кругосветные экспедиции в районы Охотского, Японского и Берингова морей. Но были и экспедиции, организованные по заданиям Российско-Американской компании и командования Охотской флотилии.

В 1816, 1817 и 1819 годах Александр Егорович Шаховской, служивший в Гижигинской крепости, выполнял работы по картированию Гижигинской губы. Поводом для этого послужили обнаруженные им в картах большие ошибки в координатах этого района побережья Охотского моря. «Назначен будучи с 1816 года для служения в Охотском море,— писал он в отчете,— я с удивлением открывал каким образом до сих пор оные неизвестны. В положении Гижигинской крепости найдено мной погрешностей по широте 1 градус 14 $\frac{1}{2}$ минут. Острова Ямские положены севернее нежели на 1 градус 4 минуты; между сими же островами и устьем реки Гижиги нет ни одного места, которого погрешность была бы менее трех четвертей градуса по широте; промежду мысами Омгоном и Пьягиным — или между Тыгильским и Ямским берегом — назначен по карте г-на Сарычева 28-ю, а на карте Императорского дела 40 итальянскими милями шире, нежели должно»²⁸.

Для своих наблюдений Шаховской использовал журналы плаваний Атласова (1792, 1793, 1795, 1796 и 1799 гг.), Петушкова (1793, 1794, 1801, 1802 гг.), Ляпунова (1801 г.), Нарманицкого (1805 г.), Якушкина (1814 г.), Неродова (1817, 1818 гг.) и других охотских мореходов. Выполненная им карта, основанная на астрономических наблюдениях, является первой достоверной картой этого района. Карта интересна во всех отношениях. На ней вместе с глубинами нанесены грунты, дана своеобразная

²⁸ ЦГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 297, л. 1— об.

их классификация, на карте помечены глубины, приливы и отливы и прочие гидрологические элементы. Карта Гижигинской губы Шаховского — наиболее совершенная карта северо-восточного угла Охотского моря того времени.

Из других примечательных работ по географии побережья Охотского моря необходимо указать на описи Прокопия Тарасовича Козьмина, Василия Степановича Завойко и Дмитрия Ивановича Орлова. Их экспедиции были организованы правлением Российско-Американской компании, стремившейся найти новое место для русского порта на Тихом океане вместо весьма неудобного Охотского порта, вопрос о переносе которого стоял на протяжении века. Для этой цели зимой 1828 г. приказчики Себретренников, Колесов и Баснин «объехали берег от Удского острова к устью Уды, оттуда к реке Алу (Ал—А. А.), от нее к устью реки Тугура и отсюда в острог»²⁹. Они нашли, что лучше всего для порта устье реки Уды. Поэтому и последовало распоряжение П. Т. Козьмину «немедленно отправиться в Удской острог и, ежели находящиеся там приказчики уже нашли удобную гавань, то сделать ей опись, а ежели не нашли, то отыскивать таковую на пространстве от устья Уды до Тугура; по отыскании гавани, делать подробную опись берегов в означенном пространстве»³⁰. Дополнительно поручалось осмотреть Шантарские острова.

П. Т. Козьмин отправился из Якутска 9 июля 1829 г. с 4 матросами, крепостным человеком и приказчиком Сокольниковым на 44 лошадях. В том году они успели описать с 8 по 27 сентября только устье р. Уда и зазимовали. Во время описи велись наблюдения за погодой, а также за вскрытием, замерзанием и состоянием льда в устье реки.

2 июля 1830 г. начали на лодках опись берега, и у мыса Большой Дуганджа встретили шхуну «Акция» с мореходом А. И. Климовским, присланную в распоряжение Козьмина. Немедленно перешли на «Акцию» и пошли описывать Шантарские острова. 15 июля открыли остров, названный в честь одного из директоров Компании островом Кусова. Остров этот «имеет вид разрезанного на полы яйца; его северо-восточная часть несколько острее и ниже, а юго-восточная образует высокую сопку; берега крутые каменистые»³¹.

23 июля открыли остров Прокофьева, названный в честь другого директора Компании. Остров Прокофьева «имеет вид пирамиды, состоит из белых, каменистых утесов, крут и высок; на NW-й стороне примечена ложбина, в которой протекает река»³².

Описание велось со шлюпок, а шхуна стояла недалеко на якоре. За 29 дней обошли остров Большой Шантар. 13 августа

²⁹ Записки Гидрографического департамента, ч. IV, стр. 19.

³⁰ Указ. соч., стр. 20.

³¹ Там же, стр. 46.

³² Там же.

А. Ф. МИДДЕНДОРФ

(1815—1894 гг.)

пошли к о-ву Феклистов, но не описали из-за недостатка провизии и ушли совсем к устью Уды. Работы были закончены только после вторичной зимовки, летом 1831 г. Было снято побережье от устья Уды до Торомской губы и Шантарские острова. Все эти материалы оказались настолько ценными, что не теряли значения почти столетие и только в советское время описные работы в районе Шантарских островов были повторены.

Здесь можно упомянуть и об описи берега Охотского моря от Охотска до залива Аян В. С. Завойко и Д. И. Орловым, выполненной в 1842—1843 гг. Впоследствии в заливе Аян был устроен порт Российско-Американской компании. Необходимо отметить также экспедицию на бриге «Охотск» под командой Василия Константиновича Поплонского, вызванную теми же причинами (поисками удобного места для устройства порта) в 1847 г. Плавание это примечательно тем, что помимо описи Тугурской губы и восточной стороны Сегнекинского полуострова были открыты два острова, названные островами Меншикова и Рейнеке.

Юго-западное побережье Охотского моря в конце первой половины XIX в. исследовала экспедиция Александра Федоровича Миддендорфа и Василия Васильевича Ваганова, являвшаяся по

существо продолжением Сибирской экспедиции Миддендорфа. Миддендорфу и его спутникам в значительной мере удалось выполнить задачу географического изучения огромной территории Удского края и северных районов левобережья Амура.

18 февраля 1844 г. участники экспедиции собрались в Якутске. В состав экспедиции входили Миддендорф, лесничий Ф. Брандт, препаратор М. Фурман, унтер-офицер корпуса военных топографов В. В. Ваганов, унтер-офицер Решетников, рядовой Долгий и два якута. 11 апреля экспедиция выехала из Амгинской слободы, в первых числах июля перевалила через современный хребет Джугджур и 9 июня прибыла в Удской острог. Месяц ушел на строительство байдар, и 9 июля путешественники вышли в море.

Но начало плавания было неудачным. У реки Джукджандран простояли целую неделю, пока не разошелся лед. За это время совершили поездку к речке Ай. Только 15 июля сумели двинуться вперед, но снова прошли только до восточной оконечности острова Медвежий, льды остановили плавание. 18 июля путешественники впервые испытали силу морских течений, справиться с которыми гребцам не удалось и пришлось возвратиться в губу Лебяжью. На следующий день лодку чуть не раздавило льдами, и тогда решили больше не рисковать, а ждать, пока совсем не вскрыются льды. На ожидание ушло много дней.

Лишь 30 июля вышли в море и пристали к небольшому острову Утичий (Мутыхангда) и пробыли там до 4 августа и в этот день перешли на остров Большой Шантар. На этом острове работали до 13 августа и снова перебрались на остров Мутыхангда. Дальнейший путь решено было продолжать вдвоем с Вагановым, а Брандт с Фурманом и командой отправились 17 августа со всеми собранными коллекциями, журналами и записями в Якутск, куда и прибыли благополучно 13 октября.

Миддендорф и Ваганов вдвоем пошли дальше на миниатюрном ботике. У р. Уякона путешественники разъединились. Ваганов с местными жителями поехал осматривать полуостров Сегнекинский и гавань, позже названную Константиновской, а Миддендорф отправился на устье р. Тугур, где они и встретились 7 сентября. Затем путешественники побывали в заливе Академии, разделенном на заливы Ульбанский и Усальгинский. «К сожалению, я не мог и подумать остаться дольше и принужден был отказаться от нетерпеливого желания достигнуть устья Амура, которое только на три дня пути было расстоянием от самого восточного предела залива Академии — от мыса Умелонгте на полуострове Муктэля»³³.

22 сентября пошли вверх по Тугуру до урочища Бурукан, где пробыли до 8 октября. Затем через р. Нимелен вышли к ее притоку Керби. 19 октября перевалили через современный Буреин-

³³ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. СПб., 1860, стр. 25.

ский хребет. До 31 октября шли вниз до устья р. Ниман, затем по ней и ее притокам выбрались вверх в область р. Селемджа. 15 ноября были уже в месте впадения в р. Селемджа р. Инкан. Здесь в урочище Инкан прожили 8 дней. 15 декабря достигли Зеи в том месте, где в нее впадает с запада р. Киле. Отсюда шли вблизи Амура и спустились к нему невдалеке от устья р. Уричи 12 января 1845 г., а 14 января прибыли в Усть-Стрелочный пост. Дальше путешествие продолжалось обычным путем, через Иркутск, Миддендорф прибыл вместе с Ф. Брандтом в Петербург 5 марта 1845 г. Ваганов остался служить в Восточной Сибири и вскоре был произведен в офицеры. Он погиб в 1851 г.

Материалы экспедиции были полностью обработаны отчасти самим Миддендорфом, отчасти академиками К. М. Бэрром, Ф. Ф. Брандтом, Г. П. Гельмерсеном, Э. Х. Ленцем, К. А. Мейером, Ф. И. Рупрехтом и др. Их коллективный труд был напечатан на немецком языке в 1848—1875 гг. (в 4-х томах, 16-ти выпусках), а позднее также и на русском языке в 2-х томах (1860—1878 гг.). В этом труде имеются следующие разделы: история, география и гидрография, орография и геогнозия, климат, ботаника и зоология севера и востока Сибири.

В разделе, посвященном географии и гидрографии, содержится много интересных научных материалов, географических характеристик и описаний отдельных районов восточной Сибири. При характеристике Шантарских островов Миддендорф постоянно сравнивает свои наблюдения с данными описи Козьмина, подробно характеризует острова Медвежий, Мутыхангда (Утичий), Большой Шантар. Тот же метод применяется и при описании южного берега Охотского моря.

Интересны выводы Миддендорфа относительно системы горных хребтов юго-восточной Сибири. По Миддендорфу Алданский хребет — это «та часть Станового хребта, через которую лежит сухопутная дорога из Якутска в Удской и к помянутым южным берегам»³⁴, т. е. к южному побережью Охотского моря. Из южной покатости Станового хребта берут начало главнейшие северные притоки Амура. Миддендорф предложил называть горную цепь Становым хребтом, а южный отрог его на левом берегу Бурен — Буреинским.

Под именем Коренного — Станового хребта, пишет он, «мы будем разуметь ту, исследованную мною в особенности, часть Станового хребта, в которой берут свои источники далеко расходящиеся ветви Зеи, на которые делится в своем верховьи этот значительнейший из всех северных притоков Амура. Согласно тому Зеинский хребет (Зейский.— А. А.) есть не что иное, как восточная половина еще Палласом названного Станового водораздела, который, начинаясь в Забайкальском крае под назва-

³⁴ А. Ф. Миддендорф. Указ. соч., стр. 112.

нием Яблонного, простирается на восток до горного узла, откуда идет на юг, под прямым углом, Буреинский хребет»³⁵.

В основном эта система взглядов на Приамурье, как горную страну, сохранилась до настоящего времени, исключая само понятие Становой хребет. Приведем еще одну цитату, дающую обобщающую картину характера береговой линии южной части Охотского моря. «Край материка, ограждающий Охотское море с юга, состоит из крутых гор, которые возвышаются над морем тысяч до двух футов. Некоторые из первостепенных высот особенно на обоих помянутых заливах стоят очень близко к морю, и тем круче бывает спуск их. Но и там, где выдаются в море не такие огромные отдельные или сплошные высоты, они почти всегда представляют отвесные или нависшие стремнины в несколько сот футов вышины, выступающие из береговой линии в виде многочисленных мысов. Мало того: характеристическую черту рассматриваемых берегов, конечно, очень невыгодную для мореходства, составляет то, что эти мысы обыкновенно продолжаются по дну морскому бесчисленными подводными камнями, иногда рифами версты в две длиною, которые то вовсе скрыты под уровнем воды, то выходят наружу только при отливе, то выглядывают из воды во всякое время. Нередко дико романтический вид украшается каменными столбами, которые по концам рифов, идущих от берега, высоко и смело поднимают свои вершины над морем, как естественные маяки, иногда прикрыты кое-где чахлыми деревьями и почти всегда увенчаны орлиными гнездами. Они будут отлично служить приметам для мореходов»³⁶.

Можно сказать в заключение, что Миддендорф сумел с небольшими средствами исследовать побережье Охотского моря от устья р. Уда до Тугурского залива, дал общую картину Приамурья как горной страны, открыл залив, названный им заливом Академии. В продолжение всей экспедиции Миддендорфа активнейшее участие в научных изысканиях принимал топограф В. В. Ваганов, который производил съемку местности и был помощником Миддендорфа во всех других наблюдениях и исследованиях.

ОПИСЬ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА КАМЧАТКИ

Основные работы по географическому изучению побережья Берингова моря (азиатская часть) были исполнены во время многочисленных кругосветных экспедиций. Здесь необходимо отметить описание, проведенную офицерами Охотской флотилии Петром Ильиным и Петром Скрыповым.

Петр Ильин в 1830—1831 гг. на байдаре с четырьмя гребцами и натуралистом Ридером описал берег от мыса Лопатка до

³⁵ А. Ф. Миддендорф. Указ. соч., стр. 136—137.

³⁶ Там же, стр. 117.

мыса Шипуицкого, а в 1831 г.— бухту Бичевинскую. П. Скрыпов в 1835 г. продолжил опись Ильина от Петропавловска до Нижнекамчатска. До них существовала единственная опись этого побережья, сделанная А. Гилевым в 1791 г. Опись Ильина подробно, хорошо передает географические особенности побережья. Вот, например: «От устья Авачинской губы до реки Омдutki, берег вообще утесистый, почти вертикальный, окаймленный множеством подводных и наружных камней, с рифами, простирающимися иногда до трех миль в море. Вдавшиеся в этом пространстве бухты кроме Вилючинской, Ахотен и Тихирки, совершенно ничтожны, и годны для пристанища только гребных судов. Далее к мысу Лопатки, берег более отлогий, но также каменистый, и также окаймленный со стороны моря камнями. Берега вообще голые, только местами покрытые тощей травой и низкими кустарниками ольхи и кедровниками. Выкидного леса по берегам очень мало. С соседних гор выпадает в море множество ручьев, весьма обильных рыбою»³⁷. Далее дается описание о-ва Старичкова, упомянутых бухт, мыса Лопатка и других мест.

Других экспедиций, занимавшихся географическими работами, в названное время на Камчатке и на Чукотке не было.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ КРУГОСВЕТНЫХ ПЛАВАНИЙ

Корабли, отправлявшиеся из Кронштадта на Дальний Восток, имели местом своего назначения Петропавловск-Камчатский, Охотск или русские владения в Северной Америке. По окончании разгрузки офицеры экспедиций производили гидрографические работы по специальной программе. Первое русское кругосветное плавание И. Ф. Крузенштерна и Ф. Ю. Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева», совершенное в 1803—1806 гг., имело значение и для географии Дальнего Востока.

В продолжение всех лет плавания не прекращались научные наблюдения. В 1804 г. «Надежда» под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна прибыла в Петропавловск. Для доставки посла Н. П. Резанова корабль этим же летом вышел в Японию. На пути было осмотрено пространство океана к востоку от Японии, между 33° и 37° с. ш. в 214° западной долготы. Именно в этом месте на карте испанских мореплавателей XVII в. показывалась Земля Гамы. Не найдя никаких ее признаков, Крузенштерн подошел к южному берегу острова Кюсю, описал его и прибыл в Нагасаки.

Шестимесячное пребывание в Японии было использовано для астрономических, метеорологических и прочих наблюдений. По

³⁷ Записки Гидрографического департамента, ч. X. СПб., 1852, стр. 126—127.

существо, это были первые русские наблюдения в самой Японии и на побережье Японского моря. Было составлено полное навигационно-гидрографическое описание порта Нагасаки и подходов к нему. Одних только определенных долгот там было сделано 1028. Определено склонение магнитной стрелки. Вычислен прикладной час порта.

На обратном пути Крузенштерном и его спутниками были описаны северо-западные берега Японии. Затем экспедиция направилась к берегам Сахалина, которые и были впервые тщательно описаны. На карту был положен берег от залива Анива до мыса Терпения. На карте появились русские названия: залив Мордвинова, мыс Сенявина, мыс Муловского, мыс Соймонова и др.³⁸

На дальнейшем пути к Камчатке детально обследовалась часть Курильских островов и берег от мыса Лопатка до Авачинской губы. В частности, были открыты и астрономически определены скалистые острова в Курильской гряде, названные Каменными Ловушками, и составлен план Авачинской губы.

В 1805 г. Крузенштерн снова отправился к берегам Сахалина, имея в виду исследование наименее изученной юго-западной части Охотского моря и разрешение вопроса об островном положении Сахалина и судоходности устья Амура. Краткая предыстория этого вопроса такова. На большинстве русских карт XVII и XVIII в. Сахалин всегда изображался островом. Так он изображен и на генеральной карте Российской империи 1745 г.³⁹ У русских мореплавателей никогда не возникало сомнений в правильности подобного суждения.

Впервые вопрос о полуостровном положении Сахалина возник после плавания французского мореплавателя Ж. Ф. Лаперуза, который в 1787 г., пройдя проливом, названным его именем, и поднимаясь к северу Татарским проливом, дошел до того места, где, как ему показалось, берега Сахалина и материка сливаются на горизонте. Посланные на шлюпке для детального исследования участники экспедиции не обнаружили пролива.

В 1796 г. английский мореплаватель У. Р. Броутон таким же путем пытался найти пролив между Сахалином и материком и также не нашел его. И. Ф. Крузенштерн исследовал все восточное и северное побережье Сахалина, впервые подробно его описал, определил несколько астрономических пунктов и нанес его на карту. На ней появились мысы Ратманова, Песчаный, Отмели, Клокачева, Левенштерна, Елизаветы, Марии, Ромберга, Головачева.

Крузенштерн весьма тщательно готовился к исследованиям. Еще будучи в Японии он оборудовал баркас под командой ка-

³⁸ Карта Сахалина, сделанная по описи офицеров «Надежды» участником плавания Ф. Ф. Беллинсгаузеном, находится в ЦГВИА, ф. ВВА № 23786.

³⁹ Атлас Российский... СПб., 1745.

питан-лейтенанта М. И. Ратманова для плавания в мелководном лимане Амура, вместе с тем баркас мог самостоятельно совершать переходы по бурному Охотскому морю. Крузенштерн и его спутники исследовали южную часть Сахалинского залива, смыкающуюся с северной частью Амурского лимана. Из этих исследований, опираясь главным образом на гидрологические изыскания (течение из Амура идет на север, а не на юг, удельные веса воды и т. д.) и, вероятно, на авторитет Лаперуза и Броутона, Крузенштерн, правда с оговоркой, вывел заключение о полуостровном положении Сахалина и несудоходности Амура. Он писал: «По окончании нашего исследования Сахалина уверился я точно, что к S от устья Амура не может быть прохода между Татариею и Сахалином, в чем согласны со мною и все прочие на корабле бывшие и могшие судить о сем. Итак, хотя следствие подобного предприятия может только быть подтверждение наших заключений, но не взирая на все сие, почитаю я такое предприятие не бесполезным для того, что осталось и еще неизведано пространство, составляющее от 80 до 100 миль, и положение устья Амура не определено с точною достоверностью»⁴⁰. Из-за недостатка времени Крузенштерн не смог исследовать район Шантарских островов.

Вслед за первым кругосветным плаванием последовали другие, среди которых большое значение для исследования дальневосточных морей и побережья имели экспедиции, возглавлявшиеся В. М. Головниным, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильевым, Г. С. Шишмаревым, Ф. П. Литке.

Плавание Василия Михайловича Головнина на шлюпе «Диана» в 1807—1809 гг. примечательно не только своей необычностью и исключительными приключениями Головнина и части его спутников, но и богатыми научными результатами. Основная гидрографическая задача экспедиции состояла в том, «чтобы сделано было точнейшее описание островов Южных Курильских и лежащих напротив Удинского порта Шантарских, а равно и берегов Татарии»⁴¹.

В соответствии с этим Головнин начал исследования от пролива Надежды и должен был продолжать их до Японии. Затем Головнин намеревался осмотреть северную сторону о-ва Хоккайдо и оттуда следовать вдоль восточного берега Сахалина до Шантарских островов. Можно с уверенностью предположить, что если бы не печальное происшествие в заливе Измены, когда Головнин был взят в плен японцами, то ему удалось бы с успехом выполнить всю намеченную программу исследований. Но и

⁴⁰ И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... на кораблях «Надежда» и «Нева» под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана II ранга Крузенштерна. Части 1—3, СПб. 1809—12; ч. 2, 1810, стр. 199.

⁴¹ В. М. Головнин. Сокращенные записки флота капитан-лейтенанта Головнина... СПб., 1819, стр. 1.

то, что сделано им, а затем дополнено Петром Ивановичем Рикордом — крупнейший вклад в изучение Дальнего Востока.

Помимо составления карты Южных Курильских островов, которая основана на 73 астрономических пунктах, Головнин представил первое описание Курильских островов, в котором наряду с гидрографическими элементами и материалами для лодки приводятся весьма обширные сведения о природе самих островов, климате, жителях, промыслах.

В 1815—1818 гг. состоялось плавание Отто Евстафьевича Коцебу на бриге «Рюрик». Эта экспедиция явилась выдающимся событием в истории мировой науки. Она «была организована специально для географических открытий и научных исследований»⁴². Коцебу должен был сделать попытку пройти из Тихого океана в Атлантический вокруг берегов Северной Америки. Следствием этой попытки было открытие и описание большого залива Сев. Америки, известного теперь под названием залива Коцебу. Большие работы по естественным наукам были выполнены естествоиспытателем экспедиции А. Шамиссо.

Во втором плавании на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. В. М. Головнин уделил главное внимание определению «тех островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами», а также описанию с малых судов северо-западного берега Америки от 60° до 63° с. ш., к которому из-за мелководья, капитан Кук не мог приблизиться⁴³. Головнин с успехом исполнил возложенные на него задачи, определил несколько астрономических пунктов и описал, в частности, Чиниатский залив и Павловскую гавань на Кадьяке.

Экспедиция на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», состоявшаяся в 1819—1822 гг. под командованием Михаила Николаевича Васильева и Глеба Семеновича Шишмарева, имела главной задачей попытаться пройти из Тихого океана через Северный Ледовитый в Атлантический вдоль северных берегов Америки или Азии — где благоприятнее окажется ледовая обстановка. В связи с этим Васильев и Шишмарев сосредоточили свое внимание на районах Берингова и Чукотского морей, где в 1819 и 1820 гг. описывали берега и уточняли положение западного берега Аляски⁴⁴. Здесь велись регулярные гидрологические и метеорологические наблюдения.

Большие и важные исследования были проведены во время плавания Федора Петровича Литке в 1826—1829 гг. на шлюпе «Сенявин». Помимо гравитационных, метеорологических, этнографических, геологических исследований велась опись берегов Берингова моря. Определены астрономически важнейшие пунк-

⁴² Н. Н. Zubov Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов. М., 1954, стр. 161.

⁴³ В. М. Головнин. Сочинения. М.—Л., 1949, стр. 273.

⁴⁴ Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв., М., «Наука», 1964, №№ 188, 189, 193.

ты берега Камчатки от Авачинской губы к северу, описаны подробно Карагинские острова, остров Св. Матвея, берег Чукотки от мыса Дежнева до залива Св. Креста, определены координаты островов Прибылова, Беринга, Уналашка и др.

АМУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО ⁴⁵

Непосредственно экспедиции Г. И. Невельского предшествовали плавания Ж. Ф. Лаперуза (1785—1788 гг.), У. Р. Броутона (1793—1796 гг.) и И. Ф. Крузенштерна (1803—1806 гг.), в результате которых укоренилось твердое мнение о полуостровном положении Сахалина и о недоступности входа в Амур с моря.

Исследования в северной части Татарского пролива и в лимане Амура, произведенные в 1808 г. японским землемером Мамия Ринзоо, не могли существенно повлиять на общий ход представлений относительно «амурского» и «сахалинского» вопросов. Ринзоо произвел съемку лимана Амура и составил его карту. Карта его исследований была опубликована только в 1832 г. Ф. Зиболдом и не произвела сенсации. Вопрос был так запутан, что еще одна новая карта не меняла положения дела. Известно, что Ринзоо плавал по лиману на лодке. Лодка — не корабль, а на ней можно пробраться по любому мелководью. Доказать же следовало возможность прохода между Сахалином и материком и захода в устье Амура морских судов. Возможность плавания на лодках никого не интересовала и никем по существу не оспаривалась. Лиман представлялся сплошь усеянным мельями.

В 1826 г. русский ссыльный Гурий Васильев побывал в лимане Амура, выдал о-в Сахалин, но сведения о его путешествии не получили известности.

Плавание брига «Константин» под командованием Александра Михайловича Гаврилова в 1846 г. в лиман Амура, подтвердившее, хотя и с оговорками, недоступность Амура с моря для морских судов и не разрешившее «сахалинской» загадки, приостановило дальнейшие попытки исследовать устье Амура.

Потребовались энергия, настойчивость Геннадия Ивановича Невельского, чтобы на основании тщательного научного анализа истории этого вопроса решиться опровергать утверждения авторитетов.

Остановимся несколько подробнее на основных этапах исследований Невельского и возглавлявшейся им Амурской экспедиции потому, что эта экспедиция является переломным моментом в истории географического изучения Дальнего Востока России.

⁴⁵ Подробнее об этом: А. И. Алексеев. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974; *Он же*, Дело всей жизни. Хабаровск, 1972; *Он же*, Сподвижники Г. И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.

21 августа 1848 г. транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Невельского вышел из Кронштадта. Старшим офицером транспорта был лейтенант Петр Васильевич Казакевич, офицерами лейтенант А. П. Гревенс, мичманы Э. В. Гроте, А. О. Гейсмар, поручик корпуса флотских штурманов А. А. Халезов, подпоручик корпуса флотских штурманов Л. А. Попов, юнкер К. А. Ухтомский и врач В. Г. Берг. 2 января 1849 г. транспорт обогнул мыс Горн и вышел в Тихий океан, а уже 12 мая встал на якорь в Петропавловской гавани, затратив на весь переход восемь месяцев и 32 дня — время рекордное.

Сразу же по окончании разгрузки Невельской 30 мая вышел из Петропавловска к восточному берегу Сахалина. 7 июня через Четвертый Курильский пролив транспорт вышел в Охотское море и 12 июня начались исследования в Сахалинском заливе — преддверьи лимана Амура. 27 июня «Байкал» встал на якорь в северной части лимана, и дальнейшие исследования продолжались на шлюпках.

П. В. Казакевич побывал в устье Амура, а 22 июля Невельской с Поповым, Гейсмаром и Гроте «достигли того места, где этот матерой берег сближается с противоположным ему сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мною Лазарева и Муравьева и низменным мысом Погиби (Погиби.— А. А.) на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1846 году Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили и с наименьшею глубиною 5 сажень»⁴⁶.

Так было доказано островное положение Сахалина и доступность устья Амура для входа морских судов с севера и с юга. 3 сентября транспорт «Байкал» прибыл в залив Аян, где Невельской лично доложил генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву о проведенных исследованиях и открытиях. Затем Невельской отправился в Петербург и сумел доказать необходимость проведения дальнейших исследований в этом районе. Вначале Невельскому, назначенному в качестве чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, разрешалось где-либо на юго-западном берегу Охотского моря основать зимовье, где производить торговлю с местными жителями.

27 марта 1850 г. Невельской прибыл в Иркутск, откуда проехал в Аян и из Аяна на транспорте «Байкал» — в залив Счастья. Здесь 29 июня Г. И. Невельской и Д. И. Орлов заложили первое русское зимовье, названное Петровским. А 1 августа на мысе Куегда в устье Амура был поднят русский флаг и основан Николаевский пост, ставший торговым пунктом. Оставив Орлова в Петровском, Невельской на транспорте «Охотск», которым ко-

⁴⁶ Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. СПб., 1878, стр. 89.

Г. И. НЕВЕЛЬСКОЙ
(1813—1876 гг.)

мандовал лейтенант Петр Федорович Гаврилов, прибыл 2 сентября в Аян. 10 сентября он отправился в Петербург, где и оказался в декабре этого же года.

12 февраля следующего года последовало постановление об организации Амурской экспедиции под начальством Невельского со средствами до 17 тысяч рублей в год. В половине июня 1851 г. Невельской был уже в Охотске, где организовал команду для Петровского и, взяв казенные припасы, отправился в Аян, а оттуда, не дождавшись возвращения «Охотска», на барке «Шелихов» в сопровождении транспорта «Байкал» — в Петровское. На «Шелихове» вместе с Невельским шли: его супруга Екатерина Ивановна, первым поступивший в экспедицию морской офицер лейтенант Николай Константинович Бошняк, топограф армейский прапорщик Петр Попов, штурман Алексей Иванович Воронин, врач Евгений Григорьевич Орлов и унтер-офицер унтер-штейгер Иван Блинные. Кроме того было свыше пятидесяти человек матросов, казаков, женщин и детей. Не доходя до Петровского барк «Шелихов» затонул и только самоотверженность всего личного состава во главе с командиром барка Владимиром Ильичем Мацкевичем и помощь подоспевшего

корвета «Оливуца» под командованием Ивана Николаевича Сущева спасли экспедицию. С корвета «Оливуца» в экспедицию поступил мичман Николай Матвеевич Чихачев.

Полностью основавшись на берегу залива Счастья, Г. И. Невельской отправился прежде всего в устье Амура с Н. К. Бошняком, приказчиком А. П. Березиным и 25 матросами. В Николаевском посту была оставлена постоянная команда во главе с Бошняком. Чихачев и Попов были отправлены в южную часть лимана Амура для подробных исследований.

Этим же летом Орлов и Чихачев совершили большое путешествие на шлюпке вверх по р. Амгунь, во время которого детально ознакомились с этим большим притоком Амура, а также собрали первые сведения от местных жителей об их жизни, речных и сухопутных внутренних путях и т. п.

Зима 1851—1852 гг. прошла в непрерывных командировках участников экспедиции по району работ. Чихачев осенью совершил поездку вверх по Амуру до оз. Кизи и привез интересные сведения о реке и живущих на ее берегах нивхах (гиляках), а также о заливе Нангмар (де-Кастри, теперь залив Чихачева). Орлов осенью совершил поход через селение Ухтр к оз. Чля, затем к Амгуни и, наконец, к селению Ухтр. По возвращении из этой экспедиции Орлов снова отправился в Тугурский край, а Чихачев — в залив Нангмар. Этой же осенью совершил поездку на Сахалин Бошняк, а Попов с приказчиком Березиным произвели съемку правого берега Амура до оз. Кизи. Бошняк нашел на северном Сахалине залежи каменного угля и впервые в истории исследований пересек Сахалин по направлению р. Тымь.

Весной 1852 г. Бошняк был послан в селение Ухтр для наблюдения за вскрытием Амура и описания протоки Уй и оз. Удыль. 18 июля на рейд Петровского пришел корвет «Оливуца» под командованием Ивана Федоровича Лихачева. Находившиеся на корвете и назначенные на службу в Петропавловск мичманы Александр Иванович Петров и Григорий Данилович Разградский остались в Амурской экспедиции. С корвета были оставлены 10 матросов.

Разградский был назначен на смену Бошняку в Николаевский пост, а Петров был занят перевозкой на баркасе продовольствия и товаров из Петровского в Николаевский пост. Бошняк должен был, следуя по Амуру и Кизи, прибыть в залив Чихачева (Де-Кастри или Нангмар) и приготовить все необходимое там для закладки зимовья. Воронин летом описал побережье Сахалина от Погиби до залива Виахту, открытого Бошняком, Чихачева Невельской отправил в Иркутск к Муравьеву с подробным докладом. Орлов занимался промерами лимана Амура и убедился в том, что без парового катера лиманские фарватеры определить весьма трудно.

Деятельность экспедиции активно продолжалась и в зиму 1852—1853 гг. Осенью Бошняк совершил поход по Амгуни до ее

истоков, откуда перешел на р. Горюн и затем через Самагирское и Чукчагирское озера по Амгуни же возвратился в Николаевский пост. Разградский отправился с Березиным вверх по Амуру до Кизи и далее один по р. Гур. А. Петров остался начальником Николаевского поста.

По окончании командировок все участники экспедиции получили новые задания: Петров отправился в Приамгунский край для выяснения возможности внутреннего сообщения Амура с южной частью лимана; Разградский с Березиным — снова на Амур и к Кизи для окончательного приготовления экспедиции в залив Чихачева и оттуда на юг вдоль берега Татарского пролива. Сразу же вслед за прибытием Разградского, доложившего о выполнении задания, Невельской послал возвратившегося из похода по Амгуни Бошняка в залив Чихачева с приказанием выставить там военный пост. Бошняк с честью выполнил это ответственное задание. Основав в заливе Чихачева Александровский пост, он отправился на юг на лодке нивхов и открыл на побережье Татарского пролива залив Хаджи, названный им гаванью императора Николая I, или Императорской гаванью (теперь — Советская Гавань). Петрову не удалось пробраться внутренними путями в южную часть лимана Амура: из-за начавшей распутицы проводники отказывались вести его туда.

Летом и осенью 1853 г. на берегу оз. Кизи был выставлен военный пост Мариинский, на южном Сахалине в заливе Анива — Муравьевский и на западном берегу острова — Ильинский пост. В Императорской гавани основан Константиновский пост. Таким образом, за три года деятельности Амурской экспедиции были детально исследованы Приамурье и Сахалин.

В зиму 1853—1854 гг. на южном Сахалине развернулась исключительно плодотворная исследовательская деятельность поступившего в Амурскую экспедицию Николая Васильевича Рудановского. В заливе Анива, откуда Рудановский совершил свои походы, стоял военный пост Муравьевский, под начальством Николая Васильевича Буссе. Благодаря работам Рудановского южный Сахалин получил свою первую достоверную карту береговой линии и внутренних районов⁴⁷.

Весна и лето 1854 г. были очень напряженными для участников Амурской экспедиции. В Мариинский пост прибыл первый сплав по Амуру под командованием П. В. Казакевича. С ним прибыли войска для защиты границ России в связи с началом Крымской войны. Важным событием явилось прибытие на Дальний Восток экспедиции вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятина на фрегате «Паллада». В составе ее находилась винтовая шхуна «Восток», которой командовал капитан-лейтенант Воин Андреевич Римский-Корсаков и которой выпала честь этим же летом впервые войти с юга в лиман Амура.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23398.

Самым важным событием в 1854 г. на международной арене было начало Крымской войны, которая прогремела и на Дальнем Востоке. Все действия Амурской экспедиции теперь были подчинены единой цели — обороне Приамурья. Особенно много появилось забот весной и летом 1855 г., когда Петропавловский пост был снят и весь гарнизон переведен в Николаевский пост, теперь Николаевск-на-Амуре.

Успех работы Амурской экспедиции во многом определялся инициативными действиями ее участников. Невельской в своей книге-отчете, изданной уже после его смерти в 1878 г., названной им «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России», подчеркивал, что «разрешение амурского вопроса, обусловливавшего политическое и экономическое значение России на отдаленном ее Востоке, было совершено в главных основаниях единственно нашими морскими офицерами, которым судьба определила там действовать с 1849 по исход 1855 года»⁴⁸.

Приведем еще одну цитату начальника экспедиции, касающуюся географических исследований и их итогов. Офицеры «исследовали в главных частях остров Сахалин, открыли на нем неисчерпаемые богатства». И далее: «Они исследовали побережья Татарского пролива до 49° северной широты, открыли по близости к реке Амуру залив де-Кастри (Наангмар), представляющий ближайший рейд с юга к амурскому лиману; открыли в 49° северной широты превосходнейшую гавань Императора Николая I (Хаджи), составляющую центральную гавань между корейской границей и амурским лиманом; исследовали пути, ведущие, как из этой последней гавани, так и из залива де-Кастри на реку Амур; собрали положительные данные о существовании почти круглый год открытых мест для навигации по побережью Татарского залива, близ корейской границы и на реке Усури»⁴⁹.

Офицеры Амурской экспедиции бывали в Приамурье, на Сахалине, на Охотском побережье, на Камчатке. Они плавали на кораблях, путешествовали вдоль берегов на лодках нивхов, исколесили Дальний Восток на собаках, оленях, лыжах, пешком. Из каждого такого путешествия участник экспедиции, совершивший его, приносил какое-либо новое географическое описание. В качестве примеров можно привести замечательные географические работы наиболее талантливого сподвижника Невельского Н. К. Бошняка, выдающегося исследователя Сахалина Н. В. Рудановского, неутомимого Н. М. Чихачева, замечательного мореплавателя и ученого В. А. Римского-Корсакова.

В рапорте Невельскому Бошняк писал о поездке на Сахалин: «От устья речки Пудмгим я начал производить опись доселе еще никем не обследованной и в недавнее время открытой реки

⁴⁸ Г. И. Невельской. Указ. соч., стр. 421.

⁴⁹ Там же, стр. 422—423.

Тымы, карту которой при этом имею честь представить Вашему высокоблагородию. Река Тымы обследована мною до самого устья, применяясь к дороге, по которой я ехал и которая частью идет по реке, а частью берегом. Тымы берет свое начало из Мгачевского хребта милях в 30 от Андамы и в 10 от Киндамы, имеет главное направление на NNO; течет весьма извилисто между обрывистыми берегами, покрытыми строевой елью, мелкой лиственницей, а преимущественно довольно толстомерным березняком: имеет глубину от 5 до 10 фут, ширину от 40 до 200 сажен, изобилует различного рода рыбою и милях в 10 от последнего на ней селения Урвидво показываются осетры, которых при самом устье находится огромное количество. Несмотря на это, жители промыслом их не занимаются частью от неумения, а частью от суеверного предрассудка, что рыба эта приносит с собой смерть целому семейству. Леса изобилуют пушными зверями и амурские гиляки достают здесь за ничтожную цену то огромное количество соболей, которых они потом сбывают за хорошую цену нам и манжурам. Река эта, протекши 85 миль, впадает в Охотское море в залив, известный у туземцев под названием Ный»⁵⁰.

Лучшей иллюстрацией географических работ Рудановского служит карта Среднего и Южного Сахалина. В течение зимы 1853—1854 гг. Рудановский совершил пять поездок по острову. За это время «южная часть Сахалина между 46° и 48° с. ш., на протяжении более 600 верст, была в эту экспедицию пройдена мною или на гребном судне, или же на собаках, причем сделано подробное исследование его в географическом, статистическом и климатическом отношениях»⁵¹.

Рудановский буквально открыл для науки внутренние районы Южного Сахалина. Превосходно выполненное им описание путешествий, к сожалению остающееся до сего времени полностью неопубликованным⁵², дополнено крайне интересной рукописью, озаглавленной «Замечания об южной части острова Сахалина и об туземцах». Рукопись распадается на несколько частей. В первой рассказывается о составлении карты южного Сахалина; о способах гидрографических работ, основных результатах и прочее,— иными словами, как составлялась карта. Во второй части, озаглавленной «Об естественном виде южной части острова Сахалина, произведениях и животных», рассказывается о рельефе, полезных ископаемых, растительности и животном мире этой части острова. Третья часть рукописи посвящена описанию заливов Идунка или залива Невельского. Это —

⁵⁰ ЦГА ВМФ, ф. 410, д. 415, л. 221. Опубликовано: А. И. Алексеев. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, стр. 185.

⁵¹ Н. В. Рудановский. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе. Вестник Европы, 1872, кн. 8, стр. 918.

⁵² АВПР АУ МИД СССР, ф. 339, оп. 888, д. 389, лл. 206—230. Частично использовано нами в книге: А. И. Алексеев. По таежным тропам Сахалина. Сахалинское книжное изд-во, 1959, стр. 48—75.

первое навигационно-гидрографическое описание этого района, лощия этой части берега, расширенная специальными сведениями по торговле, по этнографии, статистике. Наконец, в последней, четвертой части «О жителях на южной части острова Сахалина» живого рассказывается о коренном населении Южного Сахалина — айнах.

Очень интересны первые в истории Сахалина систематические метеорологические наблюдения. Они велись с 1 октября 1853 г. по 29 мая 1854 г. Измерялась температура воздуха по Реомюру, определялись состояние атмосферы, сила и направление ветра. Эти наблюдения позволили Рудановскому сделать первые выводы в виде метеорологической сводки.

Наблюдения Рудановского вошли составной частью в печатные труды о Сахалине и Дальнем Востоке вообще (Л. И. Шренк, П. А. Тихменев, Г. И. Невельской). Наконец, по картам Рудановского в 1867 г. Гидрографический департамент отпечатал меркаторские карты средней и южной части Сахалина.

Очень интересны записки участника Амурской экспедиции Никиты Ильича Шарыпова, также оставшиеся неопубликованными⁵³. Между прочим, Шарыпов первым в 1854 г. на транспорте «Байкал» под парусами прошел всем Амурским лиманом из Татарского пролива в Охотское море.

У внучки А. И. Петрова, одного из сподвижников Невельского, Т. В. Пестинской хранится архив деда. В нем есть интересные материалы об экспедиции. В настоящее время «Записки» А. И. Петрова и часть архива опубликованы⁵⁴.

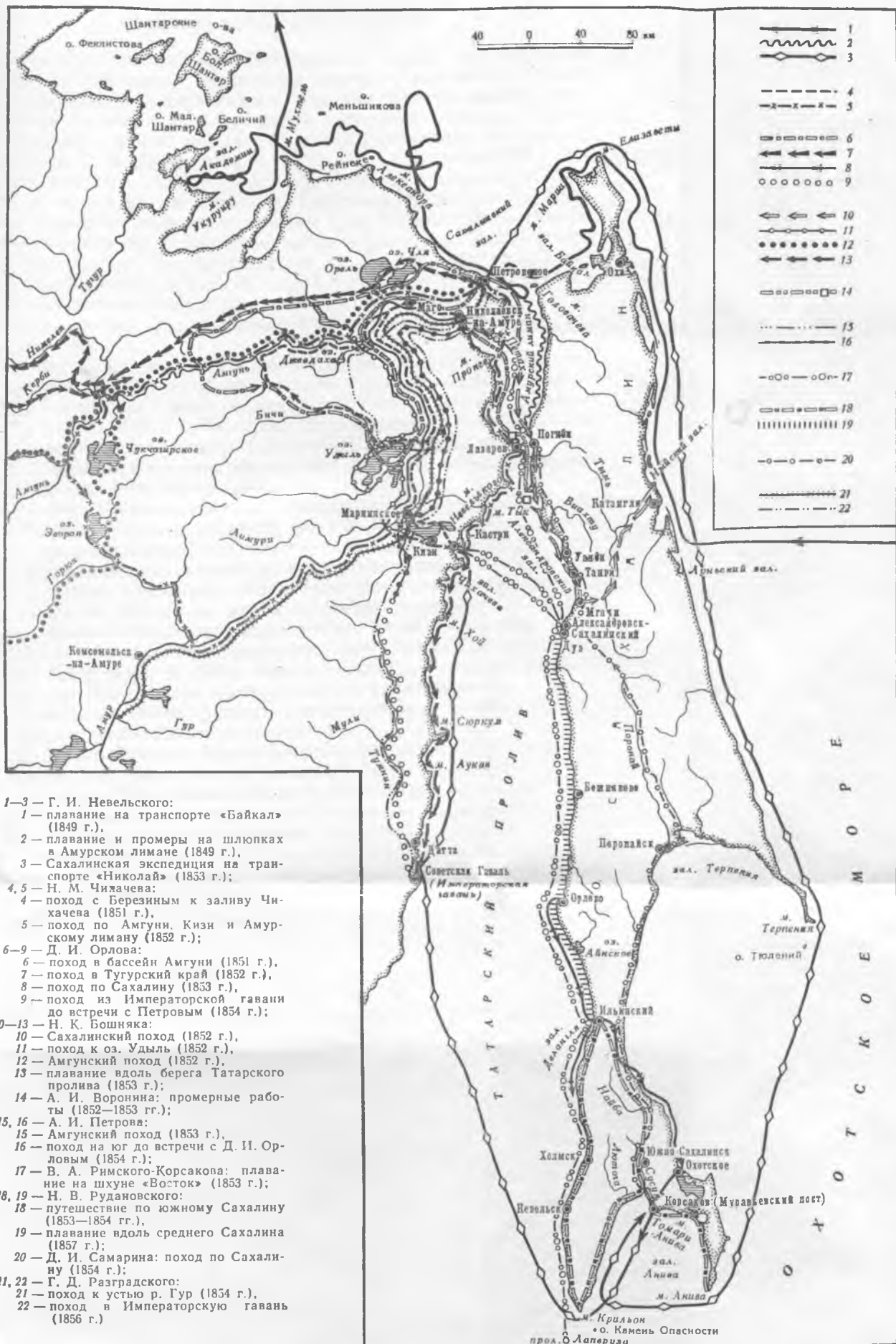
Н. М. Чихачев, Г. И. Невельской, Н. К. Бошняк и некоторые другие участники Амурской экспедиции принимали участие в работе Сибирского отделения Русского географического общества. В частности, Чихачев и Бошняк занимались составлением русско-гиляцко-мангунско-тунгусского словаря. Чихачев представил карты своих походов и их описания в Отделении Общества⁵⁵. В это же время было составлено первое «Руководство для плавания Татарским проливом» А. А. Халезовым, Н. И. Шарыповым, Л. А. Поповым и Шенуриным.

За это время Приамурье было сравнительно хорошо изучено в географическом отношении. Одновременно с действиями Амурской экспедиции были организованы многочисленные натуралистические экспедиции, о которых мы будем говорить отдельно; в результате их и специальных экспедиций была создана карта Амурской страны.

⁵³ Записки Н. И. Шарыпова. Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукописный отдел, ф. 1958, 223, лл. 1—63.

⁵⁴ А. И. Петров. Амурский щит. Хабаровск, 1974.

⁵⁵ И. П. Барсуков. Граф Н. И. Муравьев-Амурский, т. II, документы. М., 1891, стр. 168.

- 1—3 — Г. И. Невельского:
1 — плавание на транспорте «Байкал» (1849 г.),
2 — плавание и промеры на шлюпках в Амурской лимане (1849 г.),
3 — Сахалинская экспедиция на транспорте «Николай» (1853 г.);
- 4, 5 — Н. М. Чихачева:
4 — поход с Березиным к заливу Чихачева (1851 г.),
5 — поход по Амгуни, Кизи и Амурскому лиману (1852 г.);
- 6—9 — Д. И. Орлова:
6 — поход в бассейн Амгуни (1851 г.),
7 — поход в Тугурский край (1852 г.),
8 — поход по Сахалину (1853 г.),
9 — поход из Императорской гавани до встречи с Петровым (1854 г.);
- 10—13 — Н. К. Бошняка:
10 — Сахалинский поход (1852 г.),
11 — поход к оз. Удыль (1852 г.),
12 — Амгунский поход (1852 г.),
13 — плавание вдоль берега Татарского пролива (1853 г.);
- 14 — А. И. Воронина: промерные работы (1852—1853 гг.);
- 15, 16 — А. И. Петрова:
15 — Амгунский поход (1853 г.),
16 — поход на юг до встречи с Д. И. Орловым (1854 г.);
- 17 — В. А. Римского-Корсакова: плавание на шкуне «Восток» (1853 г.);
- 18, 19 — Н. В. Рудановского:
18 — путешествие по южному Сахалину (1853—1854 гг.),
19 — плавание вдоль среднего Сахалина (1857 г.);
- 20 — Д. И. Самарина: поход по Сахалину (1854 г.);
- 21, 22 — Г. Д. Разградского:
21 — поход к устью р. Гур (1854 г.),
22 — поход в Императорскую гавань (1856 г.)

Схема маршрутов исследований Дальнего Востока в 1849—1857 гг. (Амурская экспедиция)

ЭКСПЕДИЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Наряду с экспедицией Невельского первые исследования Приамурья проводила экспедиция военного ведомства России под начальством подполковника Николая Христиановича Ахте. В состав ее входили, в частности, астроном Людвиг Евграфович Шварц, горный инженер Николай Гаврилович Меглицкий, топографы С. В. Крутиков и В. Е. Карликов. Весной 1850 г. топограф Крутиков прошел от устья р. Горбица к вершине р. Олекма. В то же время топограф Карликов прошел от Горбицы вдоль Станового хребта к верховьям Уды. Осенью 1851 г. Шварц с чертежником Аргуновым преодолел маршрут от Удского острога через долину Зеи, верховья рек Ур, Гилюй и Тунгир к Олекме. Немного позже, в том же году Крутиков от Удского острога проделал маршрут через Бурукан к устью р. Нимелен и по течению р. Амгунь. Это — главные маршруты, было много и других более мелких.

Съемки экспедиции Ахте происходили на огромной территории, в чрезвычайно трудных условиях и были закончены в кратчайшие сроки. Из съемок экспедиции Карликов составил общую карту района работ экспедиции. Астрономические определения производились астрономом Шварцем. Естественно, что он один не мог побывать на всех маршрутах, поэтому астрономических определений сравнительно немного.

Съемки, производившиеся офицерами Генерального штаба Восточной Сибири, отличаются от маршрутных съемок других ведомств и экспедиций тем, что почти все они производились инструментально или полунструментально. Данные этих съемок использованы для составления карты Приамурья, Приморья и Сахалина. В 1854 г. во время открытия плавания по Амуру была сделана глазомерная съемка всего течения этой реки. В 1855 и 1856 гг. сняты глазомерно: окрестности Николаевского поста, берег моря от устья Амура до залива Чихачева включительно, от этого залива до Мариинска и кроме того еще несколько маршрутов. В 1857 г. снято инструментально течение р. Амур от входа в хребет Доусэ до Мариинска.

В 1855 г. Русское Географическое общество снарядило экспедицию для исследования западной части Забайкалья и восточной части Иркутской губернии, причем было указано, что в случае необходимости отдельные участники экспедиции могут привлекаться к другим работам. На этом основании главный астроном экспедиции Л. Е. Шварц отправил поручика Дмитрия Петровича Рашкова вниз по Амуру. Рашков определил несколько астрономических пунктов и на Сахалине. В 1856 г. поручик Арсений Федорович Усольцев снял маршрут от Усть-Стрелочно-

А. Ф. УСОЛЬЦЕВ

(1829—1908 гг.)

го поста через верховья рек Амазар и Ольдой на р. Вилюй и по ней и Зее до устья. В том же году прикомандированным к экспедиции от Управления Генерального штаба поручиком Родионом Васильевичем Орловым снят маршрут от устья р. Черная и далее через верховья Тунгира и Нюкжи на Ольдой и по нему до впадения его в Амур. В 1858 г. А. Ф. Усольцев снял маршрут от станции Иннокентьевской вдоль р. Бурей и по южным склонам гор на нижнюю часть р. Селемджа, а по ней и Зее — до устья.

В 1859 г. была организована Уссурийская экспедиция под начальством подполковника Константина Фаддеевича Будогоского. Астрономами в экспедиции были А. Ф. Усольцев и П. А. Гамов. В течение лета 1859 г. экспедицией были сняты инструментально в масштабе дюйм — верста: течение реки Усури с 5-верстной береговой полосой правого берега и промером фарватера, в том же размере; оз. Ханка с прилежащим к нему оз. Дабку; берег моря от залива Ольги до залива Пластун; дорога от устья реки Арсеньевка до пересечения дороги рекой Раздольная; полунструментальная съемка произведена от оз. Ханка (пост Турный Рог) на р. Раздольная и затем к заливу Славянка, а оттуда к заливу Посьета. Глазомерная съемка проводилась по многим

маршрутам. Усольцев произвел определения пяти астрономических пунктов. О его работах хорошо отозвался Сибирский отдел Географического общества, который отмечал, что Усольцев «с редким самоотвержением совершивший до сего три путешествия по дебрям и тайгам Восточной Сибири, в долинах Амура и Лены, с такой же любовью к науке и своему делу исполнил и последнее свое путешествие»⁵⁶.

На основании перечисленных съемок и маршрутов Генеральным штабом Восточной Сибири была в 1861 г. издана первая сводная карта Амурской страны. Она основана на 67 астрономических пунктах⁵⁷.

ПУТЕШЕСТВИЯ Л. И. ШРЕНКА ПО АМУРУ И НА САХАЛИН. ЭКСПЕДИЦИЯ Р. К. МААКА НА АМУРЕ

Первой натуралистической экспедицией в Приамурье была экспедиция, проведенная Леопольдом Ивановичем Шренком.

Деятельность выдающегося ученого и путешественника Л. И. Шренка в Приамурье совпала с деятельностью там Амурской экспедиции. Шренк, сопровождавший его художник В. С. Поливанов и участвовавший в некоторых поездках К. И. Максимович выполнили большую научную работу по естественно-историческому изучению Приамурского края и Сахалина. Они дали впервые достаточно полную картину природы Приамурья и Сахалина, климата Дальнего Востока, гидрологии Японского и Охотского морей.

Общий ход экспедиции был таков. В конце 1852 — начале 1853 г. был окончательно решен вопрос о посылке фрегатов «Аврора» и «Наварин» на Дальний Восток для усиления Сибирской флотилии, доставки различных грузов в русские владения в северной части Тихого океана. В связи с этим 28 апреля 1853 г. министерство народного просвещения обратилось к вице-президенту Академии наук с просьбой уведомить, кто именно «может предпринять путешествие по случаю предполагаемой морской экспедиции к берегам Восточной Сибири и Русской Америки»⁵⁸.

Особая комиссия Академии наук в составе академиков А. Я. Купфера, Э. Х. Ленца, Ф. Ф. Брандта, К. А. Мейера, Г. П. Гельмерсена, А. Ф. Миддендорфа, Ф. И. Рупрехта составила проект экспедиции и инструкции и наметила для осуществления их магистра Леопольда Ивановича Шренка.

23 августа 1853 г. фрегат «Аврора» вышел из Кронштадта, и 17 июня 1854 г. Шренк был уже в Петропавловске-Камчат-

⁵⁶ Записки Сибирского отдела Имп. Русск. Географ. об-ва, книга VIII, Иркутск, 1865, Летопись отдела, стр. 4.

⁵⁷ ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 2496, лл. 11-об — 12.

⁵⁸ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1—1853, № 2, л. 1.

ском. 1 июля на корвете «Оливуца» Шренк направился отсюда в Приамурский край. 22 июля корвет встал на якорь на Муравьевском рейде Сахалина и Шренк имел возможность познакомиться с природой острова. 25 июля корвет побывал в Императорской гавани. Так же как и на Сахалине, Шренк за то короткое время, которое было в его распоряжении, сумел ознакомиться со всей большой гаванью и даже успел сделать ей карту, посетить местных жителей — орочей — на речке Ма. В заливе Чихачева, куда корвет пришел 30 июля, путешественники высадились. Им предстояло добираться внутренними путями в Николаевск, который был намечен базой экспедиции. Но им помогла шхуна «Восток», которая должна была отправиться туда. Знакомство с В. А. Римским-Корсаковым, от которого Шренк узнал подробности о действиях Амурской экспедиции и достоверные сведения о режиме течений в лимане Амура и в Татарском проливе, о климате этих мест, во многом помогло впоследствии Шренку, когда он работал над своим капитальным трудом.

7 августа путешественники прибыли в Николаевск, где вскоре перезнакомились с участниками Амурской экспедиции и всегда получали от них возможную помощь и консультации. Поселившись в домике на окраине поста, Шренк и Поливанов сразу же приступили к наблюдениям. Были организованы метеорологические наблюдения, наблюдения за рекой, сделаны первые экскурсии по окрестностям Николаевского поста. 10 декабря в 7 часов утра Шренк отметил температуру по Реомюру — 31°,6.

27 января 1855 г. Шренк отправился в первую экскурсию на Сахалин. Путь его лежал по Амуру в лиман, затем по нему в южную часть к мысу Лазарева и оттуда через пролив Невельского на мыс Погиби на Сахалине. Дальнейший путь пролегал по западному берегу острова. Из-за недостатка продуктов удалось дойти только до мыса Тык и потом пришлось вернуться в Николаевск. Пополнив запасы продовольствия у нивхов, Шренк 13 февраля вышел к мысу Лазарева, откуда — на запад, через горы. Через четыре дня он был уже на Амуре у селения Пуль, откуда пошел в Маринский пост, где встретился с К. И. Максимовичем. Они наметили совместную программу дальнейших действий, после чего было решено в первую очередь осмотреть верховья р. Горюн. Шренк в течение первой половины марта сумел осмотреть этот приток Амура до его истоков и 28 марта возвратился в Николаевск.

13 мая начался летний поход Шренка по Амуру. Натуралист систематически вел метеорологические наблюдения, отмечая показания барометра, термометра, состояние атмосферы и силу ветра, заносил наблюдения за растительностью, искал моллюсков и остатки окаменелостей. Вместе с тем он вел глазомерную съемку, рисовал кроки местности. Чем дальше шли на юг, тем становилось теплее.

Л. И. ШРЕНК
(1826—1894 гг.)

В Марнинском Шренк сделал остановку у Максимовича, с которым уговорились дальше по Амуру путешествовать вместе. Но сначала Шренк побывал в заливе Чихачева, где изучал морскую фауну. 24 июня Шренк и Максимович отправились вверх по Амуру. Растительность менялась у них на глазах. Хвойные леса, обступавшие до того берега реки, теперь уходили все дальше и дальше от нее, уступая место лиственным. Долины ручьев и рек, впадавших в Амур, покрывали обширные луга. Изменился и животный мир. Северного оленя сменили лось, изюбр, кабарга. По реке Горюн встречался уссурийский тигр. От устья р. Гур и до устья Уссури произрастали липа, дуб, клен, особый вид орешника и другие широколиственные деревья. 30 июля достигли устья Уссури. Здесь характер берега изменился. Берега стали более низменными, а река распалась на множество рукавов. На образовавшихся низменных островах, покрытых высокой травой или заболоченных, водилось множество гусей и уток.

Дальше путешественники пошли по р. Уссури. Ровная низменность сменяется холмистой, возвышенной равниной, покрытой разнообразной растительностью с преобладанием кустарников на холмах. Шренк отмечает, что места эти напоминают американ-

ские прерии. Холмистая равнина тянулась далеко вверх по левому берегу, правый — все более возвышался и был покрыт лесами. После восьмидневного плавания достигли устья реки Нор и отсюда возвратились обратно. В Николаевск Шренк прибыл 2 сентября.

Следующей была поездка Шренка на Сахалин. Военные действия на Дальнем Востоке помешали ему изучить остров Сахалин в летнее время, поэтому он «решился осмотреть его зимою, чтобы получить о нем ближайшее понятие через узнавание местности, характера растительности, птиц и млекопитающих, на нем находящихся, и различных племен, его населяющих»⁵⁹, — сообщал Шренк непременно секретарю Академии наук.

30 января 1856 г. Шренк выехал из Николаевска на собаках. Вскоре он добрался до Александровского залива и отсюда направился через остров по направлению р. Тымь (Шренк называл ее Тыми), то есть примерно по маршруту Н. К. Бошняка в 1852 г. «Изучение природы в Тымийской долине, — сообщал он в Академию наук, — конечно, в той мере, как это позволяло зимнее время года, было для меня не менее любопытно, как и знакомство с самими жителями»⁶⁰.

Он благополучно добрался до устья р. Тымь, до Ныйского залива. Путешественники ехали некоторое время среди высоких гор с остроконечными вершинами, на которых по рассказам местных жителей, летом не бывает снега. Затем горы раздвинулись, р. Тымь вырвалась на равнину и, сделав значительный поворот на восток, покатила свои воды к суровому Охотскому морю. На устье задержались двое суток. Обратный путь был быстрее. 4 марта путешественники были уже в устье Амура в Николаевске. Отсюда Шренк ездил в Петровское.

Помимо многочисленных этнографических и антропологических наблюдений Шренк сделал несколько географических записей. К ним, в частности, относятся его рассуждения о континентальности климата Сахалина. В кратком отчете Академии наук он пишет по этому вопросу следующее: «Континентальность климата Сахалина обнаруживается сильными зимними морозами, превышающими даже холод, замеченный на устьях Амура: в широкой долине Тыми, открытой к северу, мне случилось 18-го февраля утром заметить по ртутному термометру Реомюра 42° мороза.

Нет притом сомнения, что влияние Охотского моря, охлаждающее воздух весною и летом, должно быть еще ощутительнее на острове, чем на материке. Можно поэтому по всей вероятности предполагать, что на северной части острова климат суровее, чем на соответствующем матером берегу. На юге же напротив того удаление острова от материка должно более и более устра-

⁵⁹ Вестник Имп. Русск. Географ. об-ва, кн. 1, СПб., 1857, смесь, стр. 6.

⁶⁰ Указ, соч., смесь, стр. 9.

пять влияние холодных континентальных ветров зимою, а прямое протяжение острова к югу открывает его влиянию близкого Японского моря»⁶¹.

Обратный путь в Петербург Шренк совершил через Сибирь, причем до Усть-Стрелочного поста добирался по Амуру. Это соответствовало его намерениям осмотреть Амур на всем его протяжении. Его очень интересовали гидрология и орография. В результате наблюдений он вынес мнение, что после слияния Амура и Сунгари вода в нижнем течении Амура делается мутной.

Миновав устье р. Бурей,— а это случилось 2 августа,— путешественники увидели исключительно плодородные земли, тянувшиеся до устья р. Зея. Они, по словам Шренка, «представляют из всех берегов Амура почву самую лучшую и в то же время, можно сказать, единственную, которая удобна для земледелия при Амуре»⁶².

Выше впадения в Амур Зеи местность резко изменилась. «Прежняя необозримая степь окаймляется с обеих сторон реки однообразными высокими горами, и река в извилистом своем течении то омывает голые отвесистые скалы, то тихо протекает у подножия отлогих берегов, обросших редким дубовым или березовым лесом»⁶³.

25 сентября путешественники прибыли в Усть-Стрелочный пост, и экспедиция, таким образом, была закончена. В Петербург Шренк прибыл 6 января 1857 г.

Многочисленные этнографические, зоологические, ботанические коллекции, а также гидрологические и метеорологические наблюдения были в большинстве своем обработаны самим Шренком. Ему помогали директор магнитной обсерватории Г. А. Фрицше, консерватор Зоологического музея Э. П. Менетриэ и энтомолог В. И. Мочульский. Главный результат экспедиции — капитальный труд, который начал выходить отдельными частями в 1858 г. и издавался до 1895 г. Все труды Шренка написаны и большей частью изданы на немецком языке. Некоторая часть их издана и на русском языке. Это прежде всего широко известная работа «Об инородцах Амурского края»⁶⁴. По словам Льва Яковлевича Штернберга, «Шренк поистине может быть назван Колумбом этнографии Приамурского края»⁶⁵. Очень много сделано Шренком и в области зоологии.

Велики заслуги Шренка и в метеорологии. В его капитальном труде четвертый том посвящен исключительно метеорологии. Он использовал для своих выводов наблюдения всех действовавших в те времена метеостанций Дальнего Востока, а также кораблей, плававших там. Он рассматривает изменение темпе-

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 93, оп. 1, № 43, лл. 3—3 об.

⁶² Вестник Имп. Русск. Географ. об-ва, кн. 1, 1857, СПб., смесь, стр. 17.

⁶³ Указ. соч., кн. 1, 1857, СПб., смесь, стр. 18.

⁶⁴ Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I. СПб., 1883.

⁶⁵ Л. Я. Штернберг. Этнография. Тихий океан. Сборник, Лпр. 1926, стр. 15.

ратуры воздуха, давления атмосферы, ветра и атмосферные осадки. В результате он впервые построил месячные и годовые изотермы на все Приамурье и Приморье. Он дал первую климатологическую характеристику русского побережья Тихого океана.

Огромен вклад Шренка в изучение Охотского и Японского морей. В его трудах «Очерк физической географии Северо-Японского моря» и «О течениях Охотского, Японского и смежных с ним морей»⁶⁶, собраны и обобщены все материалы по океанографии, какие только в его силах было отыскать. Он рассмотрел историю изучения и исследования этих морей, отметил их физико-географические особенности, указал на связь между температурой воды и воздуха, классифицировал и дал общую картину течений Охотского и Японского морей, выделил Цусимское течение.

В 1855 г. состоялась экспедиция по Амуру Ричарда Маака, предпринятая по решению Сибирского отдела Русского Географического общества. Она явилась продолжением серии натуралистических путешествий, осуществлявшихся после открытия плавания по Амуру. В состав экспедиции вошли: магистр Герстфельд, кандидат Кочетов, топограф А. К. Зондгаген и препаратор М. Фурман. На экспедицию возлагалось описание левого берега Амура, в частности долины в районе р. Буряя, части течения р. Горюн и нижней части долины Амура.

14 апреля 1855 г. участники экспедиции (без Кочетова) прибыли в Читу, где к ним присоединился и Кочетов. 10 мая прибыли на Шилкинский завод, откуда 16 мая, построив большой плот, отправились в плавание. Кроме участников экспедиции с Мааком шло шесть гребцов-солдат и казак. Спустившись по Шилке, 22 мая они были уже в Усть-Стрелочном посту. «Амур, по соединению с Аргунью, становится немного шире Шилки и долина его вообще остается узкою, хотя многие ее части шире долины Шилки»⁶⁷, — заметил Маак. В течение всего плавания регулярно велось описание берегов. 26 мая прибыли в Албазин и здесь согласно приказанию ожидали до 4 июня сплава по Амуру, которым командовал Михаил Семенович Корсаков.

Дальше пошли на выделенной в их распоряжение барже, но самостоятельно передвигаться не могли, так как во всех отношениях были связаны со сплавом. Маак занес в свой дневник по этому поводу: «Вскоре после того, как мы соединились с военной экспедицией, ученые действия сделались для нас почти не-

⁶⁶ Очерк физической географии Северо-Японского моря. Приложение к XVI тому Записок Имп. Академии наук, № 3, СПб, 1869; О течениях Охотского, Японского и смежных с ним морей. Приложение к XXIII тому Записок Имп. Академии наук, № 3, СПб, 1874.

⁶⁷ Р. Маак. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сиб. отдела Имп. Русск. Географ. об-ва, в 1855 году Р. Мааком. СПб, 1859, стр. 55.

возможными на некоторое время»⁶⁸, так как пужно было подчиняться общему режиму. Шли очень быстро и всё видели только с баржи. Но несмотря на это Р. Маак сумел не только вести наблюдения, но и сделал ряд важных выводов. Путешественник справедливо отметил, что река Кумара в некоторых отношениях составляет границу флоры и фауны верхнего Амура⁶⁹. Он дает характеристику луговых районов левобережья Амура выше Зепи и до современного Хинганского хребта, почти на 300 верст: «Берега этой части реки представляют совершенно другой характер ландшафта, нежели какой мы замечали в более узкой части Амурской долины, по которой ехали до сих пор. Вместо более или менее крутых и часто покрытых хвойными деревьями береговых скатов, здесь представляются взору обширные тучные луга, покрытые в разных местах рощами лиственных деревьев»⁷⁰. Несмотря на то, что Хинганский хребет (щеки) проехали очень быстро, Маак и здесь сумел сделать правильный вывод о том, что «Хинганский хребет во многих отношениях составляет настоящую границу между верхним и средним течением Амура»⁷¹.

Только 24 июня, уже за Хинганским хребтом, представилась возможность отделиться от сплава Корсакова и идти дальше самостоятельно. Поэтому Маак делает теперь частые и долговременные стоянки на тех местах, где было необходимо. 29 июня путешественники были на устье р. Сунгари и осматривали его на лодке. Маак, так же как и Шренк, заметил, когда переезжали через то место, где Сунгари сливается с Амуром, что «воды этих рек резко отличались цветом и текли двумя полосами, так как вода Сунгари зеленовата, мутна и наполнена илистыми частицами, между тем как вода Сахалина (Амура.— А. А.) коричневатого цвета и совершенно прозрачна»⁷².

10 июля путешественники были у устья р. Уссури, где также производили весь комплекс гидрологических и других наблюдений, а 4 августа экспедиция оказалась у устья р. Горюн. Здесь на основании своих наблюдений Маак делает существенный вывод, который впоследствии был подтвержден другими исследователями и не расходился по существу с мнением Шренка, что при разделении Амура на верхний, средний и нижний, р. Горюн является ландшафтной границей между средним и нижним Амуром.

Ниже Марнинского Маак не спускался и 14 августа вышел оттуда в обратный путь, против течения. Шли долго, подробно описывая те места, где не пришлось побывать на пути в Маринск. В Айгуне участники экспедиции зимовали в ожидании санного пути. В Иркутск Маак прибыл 16 января 1856 г.

⁶⁸ Р. Маак. Указ. соч., стр. 91.

⁶⁹ Там же, стр. 99.

⁷⁰ Там же, стр. 103—104.

⁷¹ Там же, стр. 115.

⁷² Там же, стр. 132.

Помимо замечательного описания своего путешествия, в котором наряду с географическими сведениями имеется много этнографических, метеорологических и других наблюдений и которое состоит из трех разделов: исторического отчета, естественно-исторических статей (геогностические исследования, обзор кустарниковых и древесных растений, обзор животных) и прибавлений, Маак составил первый атлас Амура. В этот документ вошли географические карты, планы, геогностические карты и виды Амура, жителей, их стойбищ, орудий быта и прочее.

Путешествие Маака имело огромное значение еще и потому, что описание его сравнительно быстро было опубликовано и оказало серьезное воздействие на последующие экспедиции.

ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ К. ДИТМАРА НА КАМЧАТКЕ

В течение 1851—1855 гг. при военном губернаторе Камчатки В. С. Завойко в качестве чиновника особых поручений по горной части состоял Карл Дитмар. За эти годы он «имел возможность ближе познакомиться с этой страной, как вдоль по обоим побережьям, так и внутри ее»⁷³. Только случайно он не попал на самую южную оконечность Камчатки,— все остальные районы ее ему удалось посетить. «Но зато,— пишет он,— по направлению к северу мои поездки простирались вплоть до обширной моховой тундры, пересекающей Срединный Камчатский хребет и соединяющей полуостров с материком и тундрами по побережью Ледовитого океана. Так, мне даже удалось посетить доселе лишь мало известный полуостров Тайгонос, расположенный в самой северной части Охотского моря»⁷⁴.

Дитмар проделал следующие основные маршруты. Осенью и зимой 1851—1852 гг. ему удалось съездить к Паратунским ключам, объехать Авачинскую губу, съездить к Авачинской сопке, совершить путешествие в Нижне-Камчатск. Летом 1852 г. Дитмар путешествовал морем в лодке до Нижнекамчатска от Петропавловска и обратно; прошел путь долиной р. Камчатка. Лето 1853 г. ушло на плавание из Петропавловска в Гижигинск вокруг Камчатки, на поездку по Тайгоносу, на плавание из устья р. Гижига в Тигиль и поездку по западному берегу Камчатки. Летом 1854 г. Дитмар совершил экскурсии к реке Калахтырке, к Паратунским ключам и на вулканы. Затем он перешел вместе с эскадрой Завойко в залив Чихачева и через Сибирь возвратился в Петербург.

Больше всего внимания в своих наблюдениях Дитмар уделял геологии, но в его книге есть много мест, посвященных геогра-

⁷³ К. Дитмар. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901, стр. III.

⁷⁴ К. Дитмар. Указ. соч., стр. IV.

фическим характеристикам отдельных районов Охотского края и Камчатки. Еще по пути к Охотскому морю, на Мае он занес любопытные сведения о рельефе страны. «С обеих сторон местность довольно круто поднимается в виде узкого гребня, обильно поросшего кедровым стланцем, кустами ольхи, старыми березами, рябиной, ивой и сосной. Но высота подъема не особенно велика и поэтому здесь не только нигде не видно было следов снега или льда, но, напротив, характер растительности указывал, что снег здесь остается не долее, чем вообще свойственно этой части Сибири. С высоты гребня к юго-востоку открывается долина Турахтаха, по которой протекает ручей того же наименования. Долина эта сперва образует узкую, глубокую, с крутыми боками рытвину, по дну которой мчится мелководный ручей. Пятью-шестью верстами ниже долина однако становится шире, и вместе с тем падение дна ее значительно уменьшается. Над гребнем живописных лесистых боков долины местами виднеются голые каменные массы, часто поднимающиеся в виде развалин»⁷⁵.

Из Аяна, куда прибыл Дитмар, на Камчатку он отправился на корвете «Оливуца», который заходил на рейд Петровского зимовья и был свидетелем крушения барка «Шелихов» Амурской экспедиции. 7 сентября «Оливуца» вышла из Аяна и прибыла на Камчатку 16 сентября. Дитмар сразу же включился в работу. Прежде всего он подробно, обстоятельно описал Авачинскую губу, дал характеристику ее геологического строения, списал все ее побережье. «Горы кругом Авачи, хотя и довольно значительной высоты, нигде однако не являются вполне лишенными растительности; напротив, она встречается здесь всюду и часто бывает поразительно роскошна; только самые высокие вершины покрыты простым ковром травы»⁷⁶. Дитмар составил первую карту геологического строения Авачинской губы.

В книге Дитмара содержится много интересных замечаний о природе полуострова, восхищавшей автора своими красотами. «Вечером, при чудном солнечном закате, перед нами открылась такая великолепная картина, что я никогда ее не забуду. Между черными ребрами Кроноцкой сопки снег сиял ярким розовым светом, и весь ряд гор, увенчанный темными столбами дыма и пара, которые поднимались с вулканов, обрисовывался в красноватом освещении на синем небе. Начиная с северо-северо-востока сплошь до запада и до дальнего юго-запада, где еще была видна Жупанова сопка с ее снегом, вся великолепная горная цепь светилась, между тем как на востоке расстилалось море самого густого темно-синего цвета»⁷⁷.

У берегов Камчатки Дитмар и его спутники часто и в большом количестве встречали китов. Очень много сведений автор

⁷⁵ Там же, стр. 47—48.

⁷⁶ Там же, стр. 93.

⁷⁷ Там же, стр. 260.

приводит со слов старожилов Камчатки. Таковы, например, сведения Максима Лазарева о Курильских островах; он побывал на первых 13 из них.

Дитмар составил карту Камчатки, на которой наряду с другими элементами нанесены рельеф, действующие вулканы, погасшие вулканы, горячие источники, границы распространения народностей, животных и растений.

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ УССУРИЙСКОГО КРАЯ

Исследования Уссурийского края начались несколько позже, чем исследования Приамурья. Первые экспедиции, отправившиеся туда, относятся к концу 50-х годов. Открытия русских моряков по побережью Японского моря способствовали географическим исследованиям внутренних районов Уссурийского края. Первым путешественником, побывавшим в горах Сихотэ-Алинь, был Михаил Иванович Венюков. Он получил задание исследовать путь, ведущий от р. Уссури к только что перед тем открытым заливам Ольги и Владимира на побережье Японского моря.

Путь Венюкова в 1858 г. лежал по р. Уссури, затем по ее притоку, р. Нарзановка и по р. Павловка. Отсюда Венюков пошел на перевал через Сихотэ-Алинь. «Вся пройденная нами местность от устьев Нынту до самого перехода (перевала.— А. А.) в горах представляет непрерывную долину, шириною от полуверсты до четырех верст и очень удобную для поселения. Она покрыта преимущественно отдельными группами вязовых и дубовых деревьев, иногда рошицами, которые на горах переходят в сплошные леса. Чем ближе подходишь к перевалу через горы, тем чаще встречаются среди берез, ильм, осин и других лиственных пород, хвойные деревья — кедр и отчасти лиственница и ель»⁷⁸. На самом перевале Венюков встретил только ель.

Венюков благополучно достиг Владимирского поста в заливе Владимира, осмотрел побережье между заливами Владимира и Ольги и прежним путем возвратился в Уссурийский пост.

Первое путешествие Венюкова через хр. Сихотэ-Алинь имело большое значение для географии края. Было доказано, что бассейн р. Уссури располагается весьма близко к побережью Японского моря. Венюков нашел туда пути. Он дал первое полное описание природы внутренних районов Уссурийского края между бассейном Уссури и морским берегом. Позже другой выдающийся путешественник — В. К. Арсеньев отмечал: «Честь сделать первое пересечение через Сихотэ-Алинь принадлежит М. И. Венюкову»⁷⁹.

⁷⁸ М. И. Венюков. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, стр. 56—57.

⁷⁹ М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, стр. 15.

Результатами экспедиции было «Обозрение реки Усури и земель к востоку от нее до моря». В нем показана физическая география края, представлен быт его крайне редкого населения. «Первым пионером обстоятельного географического исследования почти всего течения Усури был М. И. Венюков», — писал по поводу этой работы вице-президент Русского Географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский. «Результатом этого первого русского путешествия вдоль всего течения Усури была съемка реки и множество распросных сведений о притоках реки, талантливо сгруппированных и изложенных путешественником в его интересной статье «Обозрение р. Усури»⁸⁰.

Через два года, в 1859 г., Усурийский край посетил К. И. Максимович, который еще в 1855 г. поднимался по Усури до реки Нор. Он поднялся по долине Усури, затем по р. Нарзановка до устья р. Павловка, прошел по ее долине до истоков, перевалил через Сихотэ-Алинь и спустился вниз к заливу Ольги по р. Аввакумовка. Из залива Ольги на пароходе «Америка» он перешел в гавань Посыета.

В течение нескольких лет (1859—1863 гг.) исследовала Усурийский край экспедиция Александра Федоровича Будищева в составе топографов А. И. Корзуна, Лубенского и А. Г. Петровича. Сам Будишев осмотрел долину Усури, реки Арсеньевка и Илистая, оз. Ханка, затем спустился по границе с Кореей до р. Раздольная, описал леса в окрестностях селений Барабашиха, Никольского, Новокиевского, на п-ове Муравьева-Амурского, был на Нарзановке, Павловке и через Сихотэ-Алинь по р. Аввакумовка спустился к морю.

Топограф А. И. Корзун поднялся более чем до половины по рекам Дальняя и Малиновка, затем по р. Бикин до верхнего его притока Бягам, но дойти до Сихотэ-Алиня ему не удалось: не хватило продовольствия. Корзуну пришлось возвращаться на р. Усури.

А. Г. Петрович обследовал болотистые низины и леса по правому берегу Амура от устья р. Анюй до Кизи. Отсюда он перешел к заливу Чихачева и далее по берегу моря до р. Хой, затем к р. Тумнин и по ней снова спустился к морю. Лубенский описал леса по Амуру от Хабаровска до Николаевска.

БОЛЬШАЯ СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Многое сделали для исследования Усурийского края участники Большой Сибирской экспедиции Географического общества, которую по первоначальному плану должны были возглавить или А. Д. Озерский или Г. Е. Щуровский. Но так как и тот и

⁸⁰ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества (1845—1895), ч. I, СПб, 1896, стр. 205—206.

другой по различным причинам не могли встать во главе экспедиции, то она была разделена на два отдела (отряда): математический и физический. В составе математического отдела, возглавляемого астрономом Л. Е. Шварцем, были офицеры межвого корпуса Дмитрий Петрович Рашков, Арсений Федорович Усольцев и Смирягин, натуралист Густав Иванович Радде и художник Егор Егорович Мейер. Прибыв в Иркутск, экспедиция попала во второй сплав по Амуру. Сибирский отдел Географического общества между тем снарядил экспедицию Маака по Амуру. С ними пошли Рашков и Мейер, а Радде дошел только до Мариинска и возвратился обратно. Все остальные члены экспедиции работали в районе Байкала.

В 1858 г. работы экспедиции Шварца продолжались, так как трехлетними предыдущими работами недостаточно были исследованы в географическом отношении «нижнее течение Селимджи (Селемджа.— А. А.), пространство между реками Селимджа и Буряя, пространство между реками Амгунь и Горюн, северная часть Иркутской губернии, Нижнеудинский округ и южная часть Енисейской губернии»⁸¹. В 1858 г. работы экспедиции были закончены.

В течение 1854—1859 гг. математический отдел успел «определить 110 астрономических пунктов, сделать 20 000 верст маршрутной съемки и собрать массу географических, орографических и гидрографических данных, на обширном пространстве от границ Томской губернии (Кузнецкого Алатау), до острова Сахалин и от течения р. Кем — верховья реки Енисея, до крайних предгорий, подходящих к долине Лены»⁸².

Большой успех в натуралистических исследованиях выпал на долю Р. Маака, который в 1859 г. совершил путешествие по Уссури и оставил замечательное описание своего путешествия. В составе экспедиции было всего двое: Р. Маак и А. Д. Брылкин. Маак занимался метеорологией, орографией, гидрографией, собиранием растений, геологией, «изучением условий органической жизни в Уссурийской стране», Брылкин — этнографией.

Маак выехал из Петербурга 16 февраля 1859 г. У р. Ингода его ожидал Брылкин с казаком. В таком составе экспедиция отправилась в плавание по Амуру. 9 мая прошли Албазин, а 5 июня были на устье Уссури. Здесь в приготовлениях к предстоящему путешествию провели 11 дней, ходили в Хабаровку и 16 июня пошли вверх по течению Уссури. «Плывущим по Уссури против ея течения,— писал Маак,— прежде всего представляются на правом берегу гряды Хёхцырских гор, которые вскоре уходят внутрь страны и уступают место широким равнинам, пересекаемым в некоторых местах цепями холмов, которые примы-

⁸¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Указ соч., стр. 187.

⁸² Двадцатипятилетие Императорского Русского Географического общества. СПб, 1872, стр. 22—23.

кают к самой реке; между тем как на левом берегу одна такая равнина занимает огромное пространство»⁸³.

По Уссури путешественники дошли до устья р. Има и поднялись по ней на 300 верст. Р. Има Маак принял за верхнее течение Уссури. Продолжая движение, достигли устья р. Сунгачи, вливающейся в Уссури и соединяющей с ней большое оз. Ханка. Отсюда Маак не пошел дальше вверх по Уссури, а решил обследовать озеро. С этой целью он пошел по Сунгачи, по которой плыл семь дней. Здесь произошла его встреча с астрономом П. А. Гамовым, который проехал почти по всей Уссури и возвращался теперь к устью.

8 августа Маак был на оз. Ханка и пробыл на нем до 16 августа, совершив за это время две экскурсии по озеру. После этого путешественники возвратились 28 августа на Уссури и продолжали путешествие вверх по этой реке. Вскоре идти стало совсем трудно, кончались припасы продовольствия, движение лодки прекратилось из-за мелководья. Пришлось прекратить движение, а вместе с тем и экскурсии в стороны от Уссури, которые систематически практиковались путешественником. 25 сентября Маак возвратился на устье Уссури и дальнейший путь по Амуру проделали обычным образом на пароходах.

В первом томе своего отчета Маак дает описание путешествия и затем географическую характеристику Уссури и Уссурийского края. «Под именем страны или долины реки Уссури я разумею пространство земли по обеим сторонам ее течения и ограниченное с юга и востока прибрежными горами Сихотэ-Алинь, с запада же водораздельным хребтом левых притоков Уссури и правых притоков Сунгари»⁸⁴. За этим определением следуют подробные географические описания страны, лежащей на восток от Уссури и ее правых притоков; затем страны, лежащей на запад от Уссури и ее левых притоков. Далее следуют метеорологические наблюдения и материалы о фауне Уссурийской долины и словарь местных народностей.

Весь второй том посвящен описанию растительности Уссурийского края. В конце книги приложена хорошая карта, составленная М. Поповым.

Работа Маака — первое систематизированное всестороннее исследование природы Уссурийского края. О своих работах по исследованию Приамурья хорошую книгу оставил также Г. И. Радде, к сожалению, до сего времени не переведенную на русский язык⁸⁵.

⁸³ Р. Маак. Путешествие по долине реки Уссури, тт. I—II. СПб, 1861, стр. 8.

⁸⁴ Р. Маак. Путешествие по долине реки Уссури, т. II, стр. 26.

⁸⁵ Berichte über Reisen im Süden von Ost-Sibirien im Auftrage der Kaiserlichen Russischen Geographischen Gesellschaft ausgeführt in den Jahren 1855 bis incl. 1859 von Gustav Radde. «Beiträge zur Kenntniss der Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Auf Kosten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften herausgegeben von K. G. v. Baer und Gr. v. Helmersen». Dreiundzwanzigstes Bändchen. St. Petersburg, 1861, стр. 23.

После отъезда Л. Е. Шварца начальником физического отдела Сибирской экспедиции Географического общества академик Г. П. Гельмерсен рекомендовал магистра Дерптского университета геолога Фридриха Богдановича Шмидта, помощником Г. Л. Майделя и топографом Герасима Васильевича Шебунина. Экспедиция снаряжалась на три года. В 1859 г. Ф. Б. Шмидт выехал в Сибирь, Майдель заболел и вскоре возвратился, на его место был назначен Петр Петрович Глен, но Шмидт в Иркутске взял в экспедицию еще А. Д. Брылкина.

Экспедиция провела большие работы по исследованию Приамурья и Сахалина. 2 октября 1859 г. Шмидт прибыл в Хабаровку и записал, что «есть надежда, что там в скором времени обнаружится город. Поселение это стоит на крутом берегу в 60 фут высоты»⁸⁶.

Зимой 1860 г. на санях Шмидт приехал в Николаевск-на-Амуре, откуда весной в сопровождении Г. В. Шебунина и А. Д. Брылкина отправился на Сахалин. На острове путешественники разделились и исследовали, главным образом, южную часть острова. Причем Брылкин занимался преимущественно изучением флоры и этнографией, находясь в Кусунае (Ильинский), а Шмидт с Г. В. Шебуниным совершили большое путешествие по всему Южному Сахалину и затем по восточной его части, через залив Терпения, по системе рек пересекли Сахалин и возвратились в порт Дуэ. Там уже был П. П. Глен.

В 1861 г. путешественники исследовали Приамурье. Шмидт зимой возвратился в Николаевск-на-Амуре и в ожидании инструкций Географического общества осмотрел Северный Сахалин, а затем отправился в Николаевск, приказав сопровождавшим его казакам и Шебунину ехать в Ильинское к Брылкину. Сам же он по Амуру добрался до Де-Кастри (залив Чихачева), откуда на пароходе заходил в Ильинское, и оттуда вместе с Шебуниным отбыл в залив Ольги, Владивосток. Оформив все организационные вопросы, Шмидт путешествовал из Владивостока по р. Раздольная, по оз. Ханка, а далее по реке Сунгари до Хабаровска и оттуда по Амуру в Николаевск.

В конце января 1862 г. Шмидт посетил Северный Сахалин. В марте в Николаевск прибыли Глен и Брылкин. 17 марта Шмидт, Шебунин, казак Бубякин, якуты Григорьев и Соловьев вышли из Николаевска в трудный поход к Удскому острогу, оттуда к озерам Орель, Чля, Пальво. Летом путешественники пошли вверх по Амгунь, затем перешли на Бурею, по которой спустились к Благовещенску, куда и прибыли 12 августа.

Глен и Брылкин закончили свои исследования раньше и возвратились в Иркутск, где обрабатывали материалы.

Труды Ф. Б. Шмидта «Сахалинская флора», «Окаменелости

⁸⁶ Труды Сибирской экспедиции Имп. Русск. Географ. об-ва, том I. СПб, 1868, стр. 17.

Ф. Б. ШМИДТ
(1832—1908 гг.)

меловой формации с острова Сахалина», труды участников экспедиции П. П. Глена и А. Д. Брылкина по зоологии, по истории исследования и этнографии острова, а также картографические материалы Г. В. Шебунина существенно изменили научное представление о природе острова, его хозяйственных возможностях и явились отправным пунктом для дальнейшего изучения Сахалина. Шмидт впервые указал на различие флоры соседней части материка и острова Сахалина, на котором им описано много новых видов, свойственных и Японии. «Сахалин может быть разделен на две различные растительные области: одна имеет наибольшее сходство с береговою страню Охотского моря и отчасти с Камчаткою, другая составляет продолжение северной японской флоры»,— писал Шмидт⁸⁷.

Труды экспедиции помогли лучше представить себе орографию Забайкальской области, бассейна Амура, Сахалина. В отчете отмечается, в частности, что берег Сахалина и теперь еще поднимается⁸⁸, что только западная часть острова хорошо известна. Глен различает пять хребтов на Сахалине, которые «отде-

⁸⁷ Указ. соч., стр. 68.

⁸⁸ Там же, стр. 67.

лены друг от друга довольно обширными низменностями. Они следующие: северный, центральный, западный прибрежный, восточный прибрежный, Соя-Сусунайский, пролегающий по юго-восточной оконечности острова. Все пять тянутся по направлению меридиана⁸⁹, Шебунин составил карту речных систем Амуни, Буреи и острова Сахалина. Результаты экспедиции опубликованы⁹⁰.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вплоть до 60-х гг. XIX в. продолжалось интенсивное изучение различных территорий Дальнего Востока. До начала 50-х гг. экспедиции снаряжались преимущественно в районы Северной Америки, северной части Тихого океана, на Алеутские, Курильские острова, Камчатку, Охотское побережье и реке — на Чукотку. Такое направление географического изучения Дальнего Востока вполне соответствовало потребностям страны.

После известных открытий Невельского и работ Амурской экспедиции центр тяжести исследовательских работ, и в первую очередь географических, переместился в Приморье и Приамурье. На какое-то время уменьшилось число научных экспедиций в северные окраины Дальнего Востока. Резко увеличилось количество экспедиций на Амур, Сахалин и затем на Уссури и побережье Японского моря.

Географическая наука обогатилась крупными, классическими исследованиями по физической географии, геоботанике, зоогеографии, гидрографии суши и моря, гидрологии.

Эти географические исследования позволили со всей полнотой и тщательностью изучить прибрежные районы Русской Америки и Алеутских островов, обстоятельно их картировать. Кроме того, в результате многих экспедиций и главным образом, экспедиции Л. А. Загоскина были открыты внутренние районы Аляски, представлена гидрография Аляски, изучены реки Кукоквим и Квихпак.

В результате деятельности Дитмара на Камчатке полуостров получил новое, первое со времен Крашенинникова подробное физико-географическое и геологическое описание. Была установлена в общих чертах орография и гидрография края, изучены многие вулканы, исследованы горячие источники, составлена геологическая карта Авачинской губы.

Амурская экспедиция Невельского разрешила важнейшие географические проблемы: об островном положении Сахалина и

⁸⁹ Указ. соч., стр. 80.

⁹⁰ Труды Сибирской экспедиции Имп. Русского Географического об-ва. Том I. Исторические отчеты о физико-географических исследованиях магистра Ф. Б. Шмидта и П. П. Глена. СПб., 1868; том II. Ботаническая часть. СПб, 1874.

доступности Амура для судов как с юга, так и с севера. В ходе дальнейших исследований Амурской экспедицией были получены первые представления о рельефе, растительности и животном мире, полезных ископаемых, гидрографии этих районов. Экспедиции Шренка, Максимовича, Маака, Радде, Венюкова и других позволили дать общую научную картину бассейнов Амура и Усури. Была изучена система этих крупнейших рек, обосновано деление Амура на верхний, средний и нижний. Вместе с физико-географическими изучались и этнографические, экономические особенности районов. Почти каждая экспедиция имела задачей изучить условия для сельского хозяйства, для заселения бассейна Амура, для активного освоения огромного края. После заключения Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) русско-китайских договоров на Амур прибыли переселенцы, появились русские станицы на Усури и на побережье Японского моря.

Географические исследования Дальнего Востока в рассматриваемый период в корне изменили представления о Приамурье, Сахалине и Приморье, сложившиеся в мировой географической литературе. Если до этого времени в какой-то степени была известна только береговая линия этих районов, то теперь были географически описаны внутренние части; была создана в общих чертах физико-географическая карта Приамурья и его физико-географическая характеристика.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце 60-х гг. XIX в. международная политическая обстановка на Дальнем Востоке существенно изменилась. В 1867 г. земли Русской Америки были проданы правительству Соединенных Штатов Америки. В связи с этим резко сократилось русское мореплавание в северной части Тихого океана, а соответственно и географическое изучение этого региона.

Зато бурно развивалась географическая деятельность в южных районах Дальнего Востока: Приморье, Приамурье и на Сахалине. После основания Николаевского поста — города Николаевска-на-Амуре — вырос другой порт в заливе Петра Великого, на самом юге русских дальневосточных владений — основанный в 1860 г. Владивосток.

В связи с устройством практически незамерзающего порта на Тихом океане совершенно неизбежно встал вопрос об изыскании путей сообщения с ним из районов Сибири. А это влекло за собой географические и иные исследования всех новых территорий. Различные ведомства посылали одну за другой экспедиции, которые наряду со специальными изысканиями давали многое и для географического познания страны. Среди географических экспедиций второй половины XIX в. на Дальнем Востоке были, конечно, и такие, которые имели своей целью изучение Чукотки, Камчатки, Охотского побережья.

ЭКСПЕДИЦИЯ П. А. КРОПОТКИНА ПО АМУРУ, СУНГАРИ И МАНЧЖУРИИ

Выдающийся русский путешественник и географ Петр Алексеевич Кропоткин провел в Сибири и на Дальнем Востоке пять лет. За это время он совершил несколько путешествий и первое из них — по Амuru в 1863 г. на почтовой лодке с тремя гребцами от верховьев Амyра до Хабаровки.

Основной задачей второго путешествия П. А. Кропоткина было отыскание прямого сухопутного пути с юго-восточной гра-

ницы Забайкальской области на Амур. 9 апреля 1864 г. Кропоткин выехал из Иркутска и только 27 апреля сумел отправиться из Читы в Цурухайтуй. Как и в первом своем путешествии по Амуру Кропоткин регулярно ведет дневник, в котором находят место геология, география, флора, этнография и экономика пройденных им мест. Из Цурухайтуя Кропоткин вместе с караваном из 11 человек (4 казака и купцы) 21 мая отправился на восток.

Переправившись через Аргунь, решили далее идти по долине р. Ган, который «течет в долине, в версту или полторы шириною, между крутыми берегами, размытыми водою и обнажающими внизу каменные глыбы, покрытые наносами, вершины сопок правого берега заросли березником»¹. С долины Гана перешли в падь реки Ганги и начали подъем на хребет. «Хинган,— писал Кропоткин,— очевидно состоит из нескольких параллельных цепей, из которых в каждой встречаются граниты и порфиры»². 4 июня путешественники прибыли в Мерген.

По пути Кропоткин выяснил, что Хинган — это высокое нагорье, окруженное хребтами, а не горный хребет, как было принято считать раньше. Он определил и его направление — с юга на север по окраине возвышенной пустыни Гоби. Он установил также, что западные склоны Хингана пологи, легко доступны, покрыты лесами, разрезаны горными долинами с луговыми склонами в верхней части.

Из Мергена Кропоткин выступил в Благовещенск. На третий день после выхода перевалили через хребет Ильхури-алин. Поднимаясь на основной перевал, Кропоткин увидел небольшую сопку на ровной местности, «на которую достаточно взглянуть, чтобы убедиться в том, что это жерло погасшего вулкана. На плоской возвышенности с очень пологими скатами отчетливо возвышается конусообразное поднятие, с пустотою внутри и с прорывом на северной стороне. По полям всюду разбросаны громадные куски ноздреватой лавы — темно-синеватого цвета, сверху покрытые легкой ржавчиною»³.

Кропоткину удалось уточнить положение вулканической области, о которой мало было известно географам. Положение ее было указано довольно сбивчиво: к юго-востоку и к северо-западу от Мергена. 14 июня Кропоткин прибыл в Благовещенск.

Все лето и весну 1864 г. Кропоткин провел в путешествиях по Амуру. Вскоре он был назначен историографом в состав правительственной экспедиции на р. Сунгари. В ее состав входили доктор С. А. Конради, астроном А. Ф. Усольцев, два топографа и русский консул из города Урги Я. П. Шишмарев. Экспедиция отправилась на пароходе «Усури».

¹ П. А. Кропоткин. Две поездки в Манчжурию 1864 года. Записки Сибирского отдела Русск. Географ. об-ва, кн. 8, Иркутск, 1865, стр. 9.

² П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 28.

³ Там же, стр. 45.

Задачами экспедиции были: «разведывание реки на сколько она удобна для плавания, какова населенность, свойство и производительность прибрежьев, какую торговлю можно завязать с жителями этой страны»⁴. На низовьях Сунгари до той поры побывал только К. И. Максимович в 1859 г.

12 июля пароход вошел в устье Сунгари и Кропоткин приступил к исполнению своих обязанностей. Он производит не только записи историографического порядка по долгу службы, но ведет естественные наблюдения. На остановках он вместе с Усольцевым и Конради сходит на берег и учится у Усольцева определению широты и долготы, собирает геологические коллекции и гербарий. Пароход благополучно продвигался по реке к конечной цели — Гирину.

Пейзаж часто менялся, затруднительным становилось и плавание по реке. Но по сравнению с горными районами среднего течения Сунгари здесь местность стала значительно приветливей. «Местность с каждым шагом становится все лучше, деревья чаще, писал Кропоткин, но это не амурские дубняки, а раскидистые растрепанные деревья, являющиеся на первом плане в рисунках итальянских, и вообще южных ландшафтов»⁵.

Верстах в 25 от города путешественники вступили «в область гор, сперва несколько песчаных, потом каменистых, представляющих на верху острозубчатые очертания, местами выветривающихся и обсыпающихся горных пород; эти беспорядочно нагроможденные горы то имеют вид отдельных небольших поднятий на высокой плоской возвышенности, то образуют ряды коротких цепей, одним словом представляют нагроможденные горы высокой альпийской горной страны. В рядах, ближайших к реке, только северные склоны гор заросли лесом, зато дальнейшие ряды зеленеют темною, густою зеленью чернолесья. Южные же склоны прибрежных гор все пестреют под пашнями»⁶.

Кропоткин сопровождал свои записи замечательными рисунками, благодаря чему рукописи имеют еще большую научную и познавательную ценность. 9 августа экспедиция прибыла в Гирин и провела там двое суток. Встретили в городе хорошо. 11 августа вышли оттуда обратно. Плавание прошло значительно быстрее, хотя и не без приключений, так как пароход довольно часто садился на мель. Но все-таки 28 августа экспедиция была уже на Амуре.

Результаты экспедиции были значительными, хотя бы потому, что это было первое плавание русского парохода по Сунгари. Было установлено, что на небольших пароходах с осадкой до $3\frac{1}{2}$ футов река пригодна для пароходства почти до Гирина. На

⁴ А. Ф. Усольцев. Сведения о реке Сунгари от устья до г. Гирина. Записки Сибирского отдела Русск. Географ. об-ва, кн. 8, Иркутск, стр. 173.

⁵ П. А. Кропоткин. Сунгари от устья до Гирина. Записки Сибирского отдела Русск. Географ. об-ва, Иркутск, 1865, кн. 8, стр. 95.

⁶ П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 98.

берегу реки Усольцевым было определено четыре астрономических пункта, собраны большие геологические и ботанические коллекции, велись метеорологические наблюдения. Составлена глазомерно карта Сунгари топографами Васильевым и Андреевым. Большую ценность представляют топографический обзор, описание Сунгари, сделанные Усольцевым.

Но главным все-таки явились исследования Крopotкина, который не только производил наблюдения, записывал и зарисовывал, но и суммировал, обобщал все увиденное. По его исследованиям вырисовывалась следующая картина Сунгари: «от устья около 200 км тянется безлесное низменное пространство, и лишь вдали от берегов виднеются рощи. Следующие 200 км вверх по реке занимает горная страна, совершенно безлесная, где к пойме реки спускаются невысокие холмы. Наконец, около 200 км идет лесная горная страна. Дальше до Гирина вершины гор обнажены от леса на пространстве около 500 км по течению Сунгари, а все склоны их хозяйственно освоены человеком»⁷.

Крopotкин и Усольцев опубликовали основные результаты экспедиции в журналах Географического общества. Их труды получили высокую оценку географов.

ЭКСПЕДИЦИЯ И. А. ЛОПАТИНА НА САХАЛИН

С именем горного инженера Иннокентия Александровича Лопатина связана разработка угольных месторождений Южного Сахалина. Он доказал промышленное значение сахалинского каменного угля, открыл много новых месторождений угля и произвел многочисленные и разнообразные наблюдения над природой острова.

Генерал-губернатор Восточной Сибири командировал Лопатина для разведок месторождений железных руд под Николаевском-на-Амуре. Лопатин провел работу с помощью небольшой группы ссыльно-каторжных. 17 июля 1863 г. он уже представил генерал-губернатору Приморской области П. В. Казакевичу пять образцов железной руды из-под Николаевска⁸. Кроме того, он нашел каменный уголь в районе станицы Ново-Михайловской, осмотрел выходы огнеупорной глины в поселке Налле (устье Амура) и в заливе Чихачева.

В 1864 г. Лопатин был командирован в залив Ольги для исследования месторождений свинцовых руд. Это поручение было также выполнено. 1867—1868 гг. в жизни Лопатина связаны с Сахалином. Задачей Лопатина было специальное изучение Южного Сахалина — выяснение возможностей использования его недр.

⁷ С. Анисимов. Путешествия Крopotкина. М.—Л., изд-во АН СССР, 1943, стр. 68.

⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 6, д. 85, л. 17.

В июне 1867 г. Лопатин отправился из Иркутска в Николаевск-на-Амуре. Оттуда 8 августа вышел на пароходе в Ильинский пост, куда прибыл 15 августа. 21 августа он вышел в путь. Пешком и на лодках в течение полутора месяцев он исколесил всю южную часть острова. Сейчас трудно даже проследить его маршруты. Лопатин продвигался вдоль берега, осматривая береговые обнажения. Спустившись на юг, он вышел на побережье залива Анива и весь его обошел. Делая многочисленные остановки, Лопатин не упускал случая проверить сведения о находимых когда-либо месторождениях руд или каменного угля. Изыскания Лопатина впервые позволили составить общую картину рудных месторождений и каменноугольных залежей на Южном Сахалине. Он доказал, что на острове есть руда и уголь.

Обойдя почти все побережье Сахалина к югу от Ильинского поста, путешественник осенью возвратился в пост, который был им избран как база. Пешком прошел Лопатин за полтора месяца около 600 верст. Проведя зиму в Ильинском посту за обработкой материалов и составлением отчета, Лопатин в мае 1868 г. снова в пути. На сей раз предметом его изысканий были районы Сахалина к северу от Ильинского поста до параллели мыса Дуэ.

С этого поста он перевалил на восточный берег острова и от селения Мануя (Взморье) начал осмотр к северу. Дойдя до широты Дуэ, он снова перебрался через горы и здесь закончил путешествие. При первой представившейся возможности Лопатин выехал в Николаевск-на-Амуре, а оттуда в Иркутск.

Наряду с выполнением главной задачи — изысканием рудных месторождений и каменноугольных залежей — Лопатин не оставлял в стороне географические наблюдения. Его отчеты полны сведениями о растительности, рельефе, климате, животном мире. А о жителях Южного Сахалина — айнах он написал и опубликовал статью⁹.

Путешествия Лопатина существенно дополнили представление о Южном Сахалине, известное ранее только, пожалуй, по трудам Н. В. Рудановского и Л. И. Шренка. Однако его наблюдения, к сожалению, в большинстве своем остались до сего времени не опубликованными. Как отметил Н. М. Пржевальский, Лопатин не проявлял особой склонности к публикации своих материалов¹⁰. Вот почему до сего времени путешествие И. А. Лопатина по Сахалину не получило достойного отражения в научной литературе¹¹.

⁹ Извлечение из письма И. А. Лопатина об айнах. Приложение к отчету Русск. Географ. об-ва за 1868 г. СПб, 1869.

¹⁰ Горный журнал, т. IV, СПб, 1869, № 12, смесь, стр. 377.

¹¹ Лишь в 1964 г. вышла в свет книга И. Л. Клеопова. «И. А. Лопатин» в Хабаровском книжном изд-ве.

Николай Михайлович Пржевальский начал свои географические исследования, принесшие ему всемирную славу и известность, именно на Дальнем Востоке. В 1867—1869 гг. он совершил путешествие по Уссурийскому краю. Замечательный талант путешественника, страстного охотника и мастера описания природы выявился у Пржевальского уже во время этого путешествия. Его «Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869 гг.», изданное в Петербурге в 1870 г., сразу принесло известность молодому исследователю.

«Служебная цель этой командировки,— отмечал Пржевальский во введении к своему первому научному труду,— заключалась в различных статистических изысканиях, рядом с которыми могли идти и мои личные занятия, имевшие предметом усиленное изучение природы и людей нового, малоисследованного края»¹². Единственным его помощником в этом путешествии был воспитанник иркутской гимназии Николай Ягунов, о котором путешественник вспоминает с большой теплотой.

26 мая 1867 г. путешественники выехали из Иркутска и, миновав Байкал, спустились к Сретенску, откуда и начался путь по Шилке, а затем предполагалось благополучно идти и по Амуру до Николаевска. Амур был уже в значительной степени изучен, по нему было налажено регулярное пароходство. Но иногда пароходы не соблюдали установленного расписания. В этом отношении Пржевальскому повезло. Пароход отошел во время, но едва ли не сразу налетел на мель и Пржевальский решил с одним из пассажиров плыть дальше на лодке. Он был очень доволен этим. Ночевали на берегу и эти ночи были самыми лучшими для путешественника. «Остановишься бывало в таком лесу, прислушаешься и ни малейший звук не нарушает тишины. Разве только изредка стукнет дятел, или прожужжит насекомое и улетит бог знает куда. Столетние деревья угрюмо смотрят кругом, густое мелколесье и гниющие пни затрудняют путь на каждом шагу и дают живо чувствовать, что находишься в лесах девственных, до которых еще не коснулась рука человека»¹³.

В Албазине Пржевальский застал частный пароход и на нем продолжил свой путь до Благовещенска. Через двое суток ему удалось сесть на другой пароход, следовавший вниз по Амуру и на нем добраться 26 июня до Хабаровска.

Затем Пржевальский на собственной лодке только с Ягуновым занимался исследованием р. Усури. Гребцов брали на каждой станции посменно. Пржевальский весьма тщательно вел наблюдения и зачастую здесь же на месте делал обобщения, выводы о природе отдельных районов Усури. Описывая

¹² Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870, стр. 11.

¹³ Н. М. Пржевальский. Указ. соч., стр. 7.

рельеф, Пржевальский отмечает, что он от устья Уссури до впадения р. Нор «характеризуется, в общем, преобладанием равнинной формы поверхности. Здесь, на левой стороне Уссури, необозримые равнины тянутся, непрерываясь, от самого Амура, вплоть до устья Нора, а на запад простираются до возвышенностей, разделяющих притоки Уссури с притоками Амура и Сунгари. Эти громадные равнины везде имеют один и тот же характер: обширные заливные низменности, с множеством больших и малых озер, сменяются площадями несколько возвышенными и невысокими, по большей части узкими и длинными увалами или рёлками, идущими во всевозможных направлениях»¹⁴.

Иная картина вырисовывалась перед Пржевальским по правому берегу. «Правая сторона нижнего течения Уссури далеко не представляет однообразия равнины левого берега. Здесь, т. е. по правой стороне реки верст за пятьдесят от ее устья, вдруг вздымается, тысячи на три или на четыре футов, хребет Хехцир, который тянется затем, на некоторое расстояние, вдоль Амура и пускает к берегу Уссури иногда крутые, по большей же части пологие, отрасли»¹⁵.

Когда Пржевальский добрался до среднего течения Уссури, он и здесь дал характеристику крупному участку побережья реки. Среднее течение Уссури, под которым подразумевается участок от устья р. Нор до впадения рек Им и Мурень, «характеризуется обилием гор, которые сопровождают оба берега реки и часто подходят к ней, то пологими скатами, то крутыми или отвесными утесами; иногда же береговые горы удаляются немного в сторону, и оставляют место для неширокой долины. Вместе с тем, Уссури здесь гораздо беднее островами, нежели в нижнем течении и при том значительно уменьшается в размерах, в особенности выше падения, справа, самого большого из всех притоков — Бикина»¹⁶.

Заканчивая характеристику р. Уссури, Пржевальский писал: «Выше впадения Бикина Уссури сузилась почти на половину против своего устья и, далее вверх, оба берега ее несут вполне гористый характер. С правой стороны хребет Самур, идущий параллельно Сихотэ-Алиню, наполняет все пространство между Бикином и Има; слева же горы хотя и не столь высоки, но так же тянутся непрерывно, вдоль берега и, наконец, понижаясь мало-помалу, сливаются с болотистыми равнинами р. Мурени»¹⁷.

Во время плавания Пржевальский и Ягунов обычно шли пешком по берегу, а в лодке оставались одни гребцы. Достигнув станицы Буссе, путешественники избрали дальнейший путь по реке Сунгачи, притоку Уссури слева, «неширокое устье которой

¹⁴ Н. М. Пржевальский. Указ. соч., стр. 41.

¹⁵ Там же, стр. 42.

¹⁶ Там же, стр. 43.

¹⁷ Там же, стр. 44.

трудно даже и заметить в густых зарослях берегового ивняка»¹⁸. Через два с половиной дня пути по Сунгачи прибыли к оз. Ханка. Дальнейшее плавание пришлось отложить пока не утихнет шторм на озере. Не восхитило это озеро молодого путешественника. «Наружный вид оз. Ханка не имеет в себе ничего привлекательного. Огромная площадь мутной воды, низкие, болотистые, или песчаные берега и далекие горы, синеющие на противоположной стороне — вот все, что с первого раза представляется каждому, кто видит это озеро от истока Сунгачи»¹⁹. Пржевальский дает описание озера и сообщает, что оно состоит из двух озер: «Большого и Малого. Он подчеркивает, что «весь южный и восточный берег Большого озера состоит из сплошных болот, которые на северной стороне, огибают Малое Ханка и, продолжаясь по западную его сторону, переходят наконец в холмистую степь, раскинувшуюся по обе стороны. пограничной реки Белен-хэ»²⁰.

Здесь, в Турьем Роге, где был военный русский пост на берегу оз. Ханка, Пржевальский пробыл в общей сложности весь август. Главной целью его была перепись крестьян и исследования озера и его окрестностей. Сохранилась докладная записка, которую он послал из Турьего Рога начальнику штаба войск Приамурской области. В этом документе Пржевальский просил «приказать доставить мне имеющиеся в штабе сведения о количестве туземного населения в этом крае, а также и списки всех населенных мест..., а равно и расстояние этих пунктов от областного города»²¹.

Закончив описание оз. Ханка, Пржевальский в начале сентября направился к берегу Японского моря по Ханкайской степи. Пржевальский не ограничивается географической характеристикой своеобразной Ханкайской степи, — он отводит степям исключительное место в сельском хозяйстве будущих земледельцев. «Вообще, Ханкайские степи, — пишет он, — есть самое лучшее, во всем Уссурийском крае, место для наших будущих поселений. Не говоря уже про плодородную, черноземную и суглинистую почву, не требующую при том особенного труда для первоначальной разработки, про обширные прекрасные пастбища — важная выгода заключается в том, что степи не подвержены наводнениям, которые везде на Уссури делают такую огромную помеху земледелию»²².

Достигнув селения Никольского на р. Раздольная, Пржевальский отсюда на лодке направился вниз по реке до устья. Река эта «резко отделяет степную полосу, от гористой и лесной, ха-

¹⁸ Там же, стр. 51.

¹⁹ Там же, стр. 55.

²⁰ Там же, стр. 57.

²¹ ЦГА РСФСР, ДВ, ф.1, оп. 1, д. 45, л. 3.

²² Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, стр. 71—72.

рактизирующей собой все морское побережье»²³. С устья р. Раздольная Пржевальский на винтовой шхуне «Алеут» перешел в Новгородскую гавань, в залив Посьета, где провел около месяца, изучая окрестности залива. Из Новгородской гавани Пржевальский предпринял трудное путешествие в залив Ольги. Он решил идти, придерживаясь общего направления берега моря. В экспедиции был бессменный Ягунов и два солдата, груз уложили на шесть лошадей вьюками.

16 октября экспедиция вышла в далекий путь. Пржевальский сразу обратил внимание на своеобразие растительности морских берегов. «Морские ветры и сильные туманы, господствующие на побережье, вредят успешному росту деревьев, поэтому береговая полоса, на ширину от 10 до 20 верст, вообще бедна лесами. Правда, здесь везде растет высокая трава и густой кустарник, состоящий главным образом из леспедыцы, лещины, мелкого дубняка, с примесью винограда, таволги, калины, бузины и шиповника, но из деревьев, почти исключительно, попадаетея дуб»²⁴.

По пути путешественники побывали во Владивостоке, который понравился Пржевальскому своим географическим положением, и он предсказал ему преимущества по сравнению с постом в заливе Посьета. 4 ноября вышли из Владивостока и, переправившись 6 ноября через р. Артемовка, вскоре вышли в долину р. Партизанка. «Почва..., за исключением только болот при устье реки, чрезвычайно плодородна и состоит из чернозема в смеси с суглинком. Такой слой достигает, средним числом, до трех футов толщины, а в некоторых местах вдвое более и лежит на подпочве, состоящей из глины и песку»²⁵.

Часто маршрут Пржевальского пролегал по самому берегу Тихого океана. У ног его плескались ласковые волны или бушевал прибой. И вот какие мысли об океане приходили в голову молодого путешественника. «Ведь он существовал и тогда, когда еще ни одна растительная, или животная форма не появилась на нашей планете, когда и самой суши еще было немного! На его глазах, и, вероятно, в его же недрах, возникло первое органическое существо! Он питал его своею влагою, убаюкивал своими волнами! Он давнишний сторожил земли; он лучше всякого геолога знает ее историю, и разве только немногие горные породы старше маститого океана!...»²⁶.

7 декабря, немногим более чем через полтора месяца по выходе из Новгородской гавани, экспедиция прибыла в залив Ольги. Пржевальский описал его и отметил, что здесь гавань хороша всем, кроме как открыта для ветров многих направлений. «Но за то бухта Тихая пристань, которая глубоко (более версты

²³ Н. М. Пржевальский. Указ. соч., стр. 76.

²⁴ Там же, стр. 125.

²⁵ Там же, стр. 143.

²⁶ Там же, стр. 150.

в длину и около четырех сот сажен в ширину) вдается в северо-восточном направлении внутрь твердой земли, составляет отличное место для якорной стоянки, так как здесь всегда спокойно, даже в сильную бурю»²⁷, отмечает он.

Из залива Ольги вышли 14 декабря, и 18 декабря, пройдя залив Владимира, достигли р. Зеркальная, вытекающей из Сихотэ-Алиня. По ней стали подниматься на перевал в долину р. Павловка. Наступили морозы, в течение нескольких дней не было видно нигде человеческого жилья. Мороз стоял 23—27° по Реомюру. Кругом был снег. Три ночи пришлось провести в таких условиях на открытом воздухе. Но едва только перевалили через Сихотэ-Алинь, как климат стал мягче. Изменилась и растительность. Только на четвертые сутки добрались до жилья, где могли отогреться и отдохнуть.

После того, как путешественники вышли в долины рек Нарзановка и Арсеньевка, они жили надеждами на скорую встречу с русским постом. И действительно, 7 января 1868 г. они прибыли туда, откуда начали свой путь с берегов Уссури — станицу Буссе. Экспедиция продолжалась около трех месяцев, и за это время путешественники прошли свыше 1000 верст.

Исследования Пржевальским Уссурийского края на этом не закончились. Весной 1869 г. он исследовал оз. Ханка, а летом совершил экспедицию в западную и южную части Ханкайского бассейна «для отыскания новых путей сообщения, как водяных, так и сухопутных»²⁸.

Географические исследования были главными в деятельности Пржевальского. Много места отводит он описанию, например, животного мира (глава IX). В главе IV описаны жизнь и быт местных жителей: нанайцев, орочей и других. Имеется раздел, в котором изложен топографический очерк Уссурийского края; есть описание станиц, история и состояние паромства по Амуру и Уссури и другие вопросы. Пржевальский 15 месяцев вел регулярные наблюдения, которые приводятся в книге и на основании которых дается характеристика климата Уссурийского края. Путешественник пишет, что «страна эта, несмотря на свое приморское положение, имеет гораздо более континентальный, нежели морской климат. Долгая холодная зима, ясная осень и поздняя весна служат неоспоримыми доказательствами континентальности климата, в то же время как дождливое, хотя и довольно жаркое, лето выражает собою климат приморских стран»²⁹.

В приложениях к книге даются метеорологические наблюдения, статистические сведения, список видов птиц Уссурийского края.

Путешествие Пржевальского трудно переоценить. Оно внесло четкость во многие вопросы географии Уссурийского края.

²⁷ Там же, стр. 154.

²⁸ Там же, стр. 206.

²⁹ Там же, стр. 275.

Кроме исследования р. Уссури, оз. Ханка впервые была с исчерпывающей ясностью дана характеристика Ханкайских степей и описано побережье от залива Посыета до залива Владимира. Описание путешествия сразу поставило Пржевальского в ряды выдающихся географов-путешественников.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. С. МИЦУЛЯ НА САХАЛИНЕ

После экспедиции Ф. Б. Шмидта, как об этом принято писать в современной историко-географической литературе, в исследованиях Сахалина наступил почти 20-летний перерыв, то есть вплоть до 1881 г., когда там путешествовали И. С. Поляков и А. М. Никольский. И лишь сравнительно малому числу лиц известно имя М. С. Мицуля, память о котором до сих пор сохраняется среди жителей Сахалина. Полезная его деятельность агронома, просветителя и администратора, который по теплому отзыву А. П. Чехова был «человек редкого нравственного закала, труженик, оптимист и идеалист, увлекавшийся и, притом, обладавший способностью сообщать свое увлечение и другим...»³⁰, проходила в начале 70-х и в начале 80-х годов.

О личности Мицуля до сего времени почти ничего не было известно. Сохранились лишь не всегда точные сведения А. П. Чехова и несколько упоминаний в различных специальных изданиях в связи со смертью исследователя. Более подробно жизненный путь Мицуля удалось восстановить по материалам ЦГИАЛ, ЦГАОР, ЦГАДВ и Сахалинского краеведческого музея³¹.

Михаил Семенович Мицуль родился 20 (8) ноября 1836 г. в Молдавии. После окончания Горыгорецкого земледельческого института со званием кандидата агрономии и лесоводства он работал некоторое время в департаменте сельского хозяйства. 18 апреля 1869 г. правительство избрало новым местом каторги остров Сахалин. Начиная с 1870 г. туда стали прибывать ссыльно-каторжные. Опыт первой колонизации острова решено было изучить. На Сахалин отправилась комиссия, которой вменялось в обязанности, наряду с проверкой опыта ссылки каторжных и поселений вольных крестьян, рассмотреть и дать заключение о возможности развития сельского хозяйства, узнать подробнее особенности климатических условий и определить объем и места каменноугольных месторождений. Во главе комиссии стоял Василий Иванович Власов, в нее входили: горный инженер Алексей Петрович Кёппен, врач Фома Матвеевич Августинович и агроном-натуралист Михаил Семенович Мицуль.

³⁰ А. П. Чехов. Собрание сочинений, том 11, М., 1950, стр. 135.

³¹ А. Н. Алексеев. О зарождении сельского хозяйства на Сахалине.— В кн. «История и культура народов Дальнего Востока». Южно-Сахалинск, 1973, стр. 218—225.

7 сентября 1870 г. участники экспедиции прибыли в пост Дуэ на Сахалине и в соответствии с индивидуальными планами разъехались по острову. Мицуль осмотрел пост, разработку месторождений каменного угля, запашки ссыльных. Исследование Сахалина Мицуль начал с Муравьевского поста, где он организовал метеорологические наблюдения, осмотрел близлежащие места, сделал несколько экскурсий: на юг, к мысу Анива, и на восток — к юго-восточному хребту. Затем он совершил первую свою большую экспедицию по Южному Сахалину (с 9 октября по 17 декабря 1871 г.): на полуостров Крильон по маршруту: р. Сусуя — долина р. Найба — перевал через горы к западному берегу острова — Холмек — Ильинский — и обратно по берегу, в Корсаковский пост, и затем — в Муравьевский.

Мицуль убедился, что крестьяне не жаловались на условия Сахалина. Некоторые были просто «...в восторге от земельной свободы, обилия леса и рыбы; жаловались только на людей, на убийства, грабежи, поджоги, скотокрадство, на гнет администрации» и на то, «что взяться за хозяйство нечем»³². В результате наблюдений Мицуль пришел к выводу о «возможности успешного разведения хозяйственных растений и в особенности развития скотоводства»³³.

После составления отчета Мицуль продолжал свои экскурсии. Он побывал у Чибисанских озер, выходил в районе селения Тунайча к берегу Охотского моря, осмотрел долину р. Лютога, весной наблюдал за ловом сельди айнами. 31 мая Мицуль вышел в экспедицию на Средний Сахалин по маршруту: Быков — Взморье — Ильинский — Лесогорск и обратно через Углегорск — через хребет — деревня Натункай на берегу Охотского моря — устье р. Поронай — вверх по этой реке до перевала к р. Тымь — р. Тымь — Дуэ. На этом путешествия по Сахалину закончились, и Мицуль через Америку возвратился в начале 1873 г. в Петербург.

Научные результаты своих работ Мицуль представил в книге «Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении», которую А. П. Чехов назвал «длинной одой в честь сахалинского плодородия». «Фанатик, — по словам Чехова, — видевший в Сахалине обетованную землю»³⁴ — Мицуль оказался в конце концов замечательным пророком.

Хороший агроном, Мицуль предвидел и научно обосновывал блестящую будущность каторжному острову. Страстностью, научной убежденностью, преданностью, заботой о будущем Сахалина пронизана книга Мицуля, которая состоит из трех частей. Первая включает основные географические сведения: элементы орографии, климата, почв, флоры и фауны. Дав подробную физико-географическую характеристику острова, Мицуль выделяет

³² Н. Новомбергский. Остров Сахалин. СПб, 1903, стр. 161.

³³ ЦГИАЛ, ф. 389, оп. 35, д. 12505, л. 31.

³⁴ А. П. Чехов. Собрание сочинений, том 11, М., 1950, стр. 35.

особенно те его районы, которые по своим условиям наиболее пригодны для развития сельского хозяйства.

Эти выводы были сделаны Мицулем на основании тщательного анализа климата, почвы, растительного и животного мира Сахалина. Автор пришел к выводу, что климатические условия Южного и Среднего Сахалина благоприятствуют высокоразвитому сельскому хозяйству, что же касается почв, то вопреки ожиданию Мицуль встретил весьма однообразный характер их строения. Это почвы, богатые перегноем: суглинистые, черноземно-суглинистые и черноземно-супесчаные. Кое-где в низменных долинах встречаются пловатые почвы, вполне пригодные для огородничества.

Мицуль только упоминает о месторождениях каменного угля; детально этот вопрос осветил другой участник экспедиции — А. П. Кёппен³⁵. Далее Мицуль указывает места распространения основных видов древесных, кустарниковых и травянистых растений. Он рассказывает о животном мире острова, перечисляя основные виды животных и птиц.

Вторая часть труда посвящена населению Сахалина, состоянию русских постов: Дуйского, Муравьевского, Чибисанского, Корсаковского и других. Подробно описал Мицуль и местных жителей, которых в общей сложности в 1870 г. оказалось 4320 душ обоего пола, среди которых айны — 2370, нивхи — до 1500, орофоны — до 200.

В третьей части своей работы Мицуль делает основные выводы о пригодности острова к сельскохозяйственной колонизации. Он утверждает, что географические условия позволяют в южной и средней частях Сахалина рассчитывать на возможность заселения в широких размерах. Обширные луга с роскошной растительностью позволяют развивать скотоводство, следовательно, поселенцы будут обеспечены в изобилии молочными продуктами, которые «найдут себе всегда сбыт как на самом острове, так и в Николаевске, Владивостоке, на приходящих судах и даже за границей, где эти продукты стоят в цене»³⁶. Успехи огородничества не подлежали никакому сомнению; зерновые культуры, судя по опытам, также успешно вызревали. Все это, пишет Мицуль, «представляет благоприятное сочетание, при котором совершенно обеспечивается существование будущего населения»³⁷.

Мицуль приводит конкретные соображения по организации опытных сельских хозяйств, особо останавливаясь на вопросах земледелия, огородничества, луговодства, скотоводства, лесоводства, техники производства, строений, путей сообщения, торгов-

³⁵ А. П. Кёппен. Остров Сахалин, его каменноугольные месторождения. «Горный журнал», №№ 3 и 4, СПб, 1875.

³⁶ М. С. Мицуль. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб, 1873, стр. 139.

³⁷ М. С. Мицуль. Указ. соч., стр. 139.

ли. Обширная программа развития сельского хозяйства на Сахалине не нашла своего развития и решения при царской власти. Только в годы Советской власти Сахалин был действительно хозяйственно освоен, освоены исследованные когда-то Мицулем. Тымовская, Поронайская, Центральная равнины. Сельское хозяйство проникло и на север острова, который Мицуль исключал из своих планов. Все это целиком и полностью подтвердило глубоко научную сельскохозяйственную программу Мицуля, изложенную им свыше 90 лет назад.

Обстоятельства сложились так, что Мицулю самому пришлось начинать осуществлять свою программу. 18 мая 1880 г. был введен в состав администрации Сахалина агроном. Им был назначен Мицуль. 8 сентября он был уже в Дуэ. Зимой 1880—1881 гг. он снова побывал во всех постах, деревнях, селениях Сахалина, поощряя огородничество, устроил две солеварни, поставил вопрос о привлечении переселенцев на Сахалин. Мицуль принимал активное участие в организации экспедиции Полякова и Никольского. Скончался Мицуль на 47 году жизни 27 апреля (8 мая) 1883 г. в Александровске-на-Сахалине.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА САХАЛИН И С. ПОЛЯКОВА И А. М. НИКОЛЬСКОГО

По инициативе Русского Географического общества была организована в 1880 г. экспедиция на Сахалин для естественно-исторических и антропологических исследований. В состав экспедиции входили биологи Иван Семенович Поляков и Александр Михайлович Никольский. Поляков уже совершил много путешествий по Европейской части России, Западной Сибири, участвовал в Олекминско-Витимской экспедиции П. А. Кропоткина. Никольский путешествовал впервые.

Экспедиция на Сахалин занимала видное место в общих планах Географического общества. Комиссия в составе А. И. Воейкова, Ф. Ф. Буссе, Р. Э. Ленца, А. П. Кёппена и Ф. Б. Шмидта занималась разработкой инструкций, составлением программы исследований, которая охватывала изучение орографии, климата, гидрографии, флоры, фауны и антропологические исследования. Все это в конечном счете подчинялось одной цели — дать ответ на важный вопрос, «возможна ли, по отбытии ссыльными срока каторжных работ, ссыльно-поселенческая их колонизация на территории острова»³⁸. Закончив исследования на Сахалине, Поляков должен был перенести научную деятельность на Приморье. Программа была согласована с Академией наук.

На Дальний Восток исследователи отправились морем через Одессу, по Суэцкому каналу, через Индийский океан и Влади-

³⁸ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества (1845—1895), ч. II. СПб., 1896, стр. 636.

восток. Пароход «Нижний Новгород» доставил их в Корсаковский пост на Сахалине, куда вообще заходили только затем, чтобы сдать ссыльных. Этим воспользовались путешественники, чтобы осмотреть поселок. Впечатление было такое, как будто они находились «где-нибудь в лесу Петербургской или какой другой губернии из числа северных». «Здесь Русь,— писал Никольский,— настоящая коренная Русь дотянулась до пределов Японии и чрез Великий океан глядит на Америку»³⁹.

11 июня 1880 г. пароход перешел на рейд поста Дуэ, и путешественники высадились в устье реч. Дуйка в посту Александровском. Некоторое время путешественники прожили в посту Александровском, где Поляков «счел необходимым создать себя так сказать «естественно-исторический базис». Он хотел изучить район Александровска «во всех тех отношениях, по которым для меня был интересен весь Сахалин»⁴⁰. Предварительное знакомство с природой Сахалина продолжалось полтора месяца. Поляков исходил ближайшие окрестности Александровска, изучил топографию местности, получил представление о почвах, растительности, о распространении животных на суше, в реках и озерах, собрал коллекции птиц и насекомых.

23 июля путешественники отправились в первую экспедицию с задачей пересечь остров по направлению р. Тымь, т. е. по маршруту Бошняка и Шренка. Такое решение соответствовало желанию местных властей. По ходатайству генерал-губернатора Приморской области Д. Г. Анучина к устью Тыми для производства гидрографических работ был направлен клипер «Пластун», а губернатор со своей стороны отрядил в помощь клиперу небольшой береговой отряд из шести рядовых, с переводчиком и с поручиком Я. П. Шишмаревым во главе. Этот отряд находился при экспедиции Полякова.

Шли сначала Александровской долиной, затем начался подъем на Сахалинский хребет. Через сутки дорога стала заметно круче. Менялась вокруг и растительность. Лес значительно поредел, и деревья стали заметно ниже. Ель, пихта, береза — вот главные виды деревьев здесь. На перевале высота по барометрическим данным оказалась около 600 м. С перевала открывался замечательный вид. Как на ладони перед путешественниками была Александровская долина. На ней даже простым глазом можно было различить отдельные строения, а на горизонте чернели громады утесов у мыса Жонкиер. Другая панорама ожидала путешественников на восточной стороне перевала. Здесь виднелись тупые, округленные вершины, резко контрастирующие с живописным видом западного склона хребта.

С перевала спускались по долинам рек и ручьев, а от селе-

³⁹ А. М. Никольский. Летние поездки натуралиста. СПб, 1900, стр. 186.

⁴⁰ И. С. Поляков. Отчет об исследованиях на острове Сахалине и в Южно-Уссурийском крае. Записки Имп. Академии наук, т. XLVIII. СПб, 1884, приложение № 6, стр. 2.

И. С. ПОЛЯКОВ
(1845—1887 гг.)

ния Пиленга — по течению реч. Адмво. Утром 27 июля отправились в селение Рыковское, оттуда в Дербинское по Тыми отплыли лодки с грузом, а сами путешественники по-прежнему ехали верхами. Поляков успевал записывать: «На горных увалах, которые приходилось пересекать, господствовал глухой, хвойный лес из огромных пихт и лиственниц, которые нередко были выборочены бурями из зыбкой и мокрой глинистой почвы и лежали или около дороги, поперек ее, или же покоились на стволах соседних деревьев; в ложбинах или в болотистых, вязких луговинах эта растительность перемежалась с лиственными деревьями, с тополем, ильмом, березняком и осинником, также с черемушником, боярышником, с ивняками, рябиной и бузиной; сюда присоединился густой подлесок из смородины, частью клена, таволги рябинолистной, малины, калины, шиповника и пр.»⁴¹

От Дербинского 30 июля на трех лодках и кунгасе во главе с Поляковым отправились вниз по течению Тыми. Путешествие, сопряженное с трудностями и опасностями, в общем проходило

⁴¹ И. С. Поляков. Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг. Известия Имп. Русск. Географ. об-ва, т. XIX. СПб, 1883, вып. 1, приложение № 2, стр. 40.

благополучно. Несколько раз садились на мель, преодолели 5 каменистых порогов и 11 перекатов и мелей. Ночи проводили как правило в селениях нивхов. Река текла среди дремучей тайги. «Лес смотрится в бурные воды реки на всем пространстве, которое мы проплыли в эти два дня. По самому берегу ее высятся стройные ивы, тополя и вязы; дальше виднеется темная зелень ели и пихты, посреди которой еще более темными пятнами кое-где выделяются группы кедров. Всюду, где берега обрывисты, река, отрывая участки земли, уносит с собой ближайшие деревья и выбрасывает их на первой попавшейся отмели»⁴².

Затем плавание стало значительно легче. Чувствовалась близость моря. Бег реки стал плавнее, берега более низкими, чаще встречались нивхские деревни. 3 августа экспедиция вышла в нижнее течение Тыми, а 4-го река приняла совершенно иной вид. Здесь ее ширина доходила до 50 сажень, а течение было настолько медленным, что приходилось браться за весла и более энергично работать шестами. Крупный лес исчез совершенно, по берегам рос только кустарник, чаще всего ивняк. К вечеру 5 августа флотилия подошла к деревне Атерво, расположенной верстах в 5—6 от Ныйского залива. Население деревни составляли орочи, о которых Поляков и Никольский отзываются самым лучшим образом. «Честность их феноменальна,—воскликает Никольский.— Вы можете довериться ороку в чем угодно, и он скорее пропадет с голоду и холоду, а постарается исполнить свое обещание»⁴³.

Путешественники прожили на устье Тыми месяц. За это время они исколесили все окрестности селения, побывали на берегу Охотского моря, исследовали Ныйский залив, вели переговоры с японцами об условиях рыболовства.

Никольский почти ежедневно совершал зоологические экскурсии. Поляков нанес на карту все маршруты путешествий. В его описаниях и наблюдениях преобладают географические сведения. Он стремится установить общее направление сахалинских хребтов, определить факторы, влияющие на климатические особенности острова, выяснить возможности колонизации долины Тыми и посещенной им части восточного Сахалина. В описаниях Полякова много места уделяется этнографическим и антропологическим наблюдениям. Все время на берегу он проводил среди жителей деревни, собирал коллекцию домашней утвари, разыскивал стоянки древнего человека, анализировал и обобщал уже накопившиеся наблюдения. Десять суток из тридцати Поляков провел в странствиях по Ныйскому заливу и заливу Набилъ, тщательно осмотрел их и нанес на карту.

Обратно возвращались на лодках-однодеревках, так как громоздкие лодки и кунгас было бы невозможно поднять вверх

⁴² А. М. Никольский. Летние поездки натуралиста, стр. 212.

⁴³ А. М. Никольский. Указ. соч., стр. 214.

по течению. Путешественникам посчастливилось стать свидетелями хода кеты вверх по реке — «хода до смерти» по меткому выражению А. Ф. Миддендорфа. Путешествие окончилось благополучно и 23 сентября Поляков и Никольский были уже в Александровском посту.

Первая экспедиция Полякова имела важное значение для науки и серьезные последствия для практической жизни сахалинцев. Долина реки Тыми и ее устье, заливы Набиль и Ныйский были достаточно хорошо описаны в географическом отношении. В селении Атерво удалось на небольшой глубине обнаружить слой вечной мерзлоты. Поляков и Никольский определили районы возможного земледелия в долине Тыми. Так как устье Тыми — единственная заслуживающая внимания естественная гавань на восточном берегу Сахалина, то промеры Полякова и Никольского, которыми была доказана возможность стоянки здесь судов, имели важное значение. Работы офицеров клипера «Пластун» спустя некоторое время подтвердили эту возможность.

Следующую экспедицию по Сахалину Поляков совершил один; Никольский возвратился в Петербург после первого путешествия. Зимой Поляков приводил в порядок коллекции, вычерчивал маршрут плавания и исследований в устье Тыми, готовился к следующему походу. Теперь он собирался побывать на Южном Сахалине. Особенно его интересовал залив Терпения, не исследованный должным образом и даже не описанный ранее никем из путешественников.

В конце января Поляков перебрался в Рыковское и отсюда в сопровождении одного ссыльно-каторжного и шести нивхов 4 февраля отправился в долину р. Пороная. «Картина странствования была в одинаковой степени своеобразна, — писал Поляков, — как при переездах по тундрам, лесам, часто горелым, по оврагам в долине Пороная, по льдам среди самой реки, также и при ночлегах в суровой, холодной, необитаемой пустыне, около костров, на открытом воздухе, часто при сильных ветрах и снеговых метелях»⁴⁴.

Через неделю такого пути Поляков находился уже в устье Пороная и прожил здесь около четырех месяцев. Сначала на собаках и оленях, а затем на лодках он совершал экскурсии в окрестностях устья Пороная и в значительном удалении от него по берегу залива Терпения, ведя наблюдения, делая зарисовки и записи.

Из залива Терпения Поляков на лодке перебрался в селение Могункотан и отсюда по рекам прибыл в Корсаковский пост. В середине июля он на судне «Байкал» перешел во Владивосток. Но прежде чем возвращаться в Петербург Поляков совершил еще несколько поездок по Дальнему Востоку. Он побывал в

⁴⁴ И. С. Поляков. Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг., стр. 106.

бухте Посъет, производил драгирование в заливе Золотой Рог и в бухте Новик, совершал экскурсии в окрестностях Владивостока. Во второй половине сентября Поляков поселился в устье р. Раздольная и пробыл там до середины ноября.

30 октября Поляков отправил всю коллекцию в Одессу на пароходе «Нижний Новгород», а сам 3 ноября на крейсере «Африка» направился в Японию, где провел почти год. На пути в Россию он сделал еще несколько остановок в различных пунктах юго-восточной Азии. Только в феврале 1885 г. Поляков возвратился в Петербург.

Экспедиции Полякова дали впервые полное представление о природе Сахалина, точную картину орографии Тымовской долины, впервые достаточно полно были охарактеризованы гидрографические особенности р. Тымь, Ныйского залива и залива Набиль. Антропологические и этнографические исследования ученого во многом дополняли работы Л. И. Шренка, а ботанические — работы К. И. Максимовича. Вершиной деятельности Полякова и Никольского были их зоологические исследования. Все эти материалы обработаны после смерти Полякова Никольским и послужили основой его докторской диссертации «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных»⁴⁵.

Трудно найти такую отрасль естествознания, которую бы не затронули Поляков и Никольский во время пребывания на Сахалине. Все описания коллекции, наблюдения Полякова были опубликованы и стали важным вкладом в изучение острова. Но наибольшим успехом пользовались его антропологические, этнографические, зоологические коллекции, физико-географические описания. Важны были и выводы ученого о будущем острова, об использовании его богатств, о колонизации Сахалина. «Оставляя Сахалин,— писал Поляков,— я увозил с собою убеждение, что культивировать его в той или другой степени возможно и даже весьма полезно в государственном отношении...»⁴⁶

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ОХОТСКО-КАМЧАТСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ

К. И. БОГДАНОВИЧА И Н. В. СЛЮНИНА

(1896—1897 гг.)

Цель этой экспедиции — изучение края в экономическом отношении и, в частности, его золотоносности. В состав ее вошли: начальник экспедиции, горный инженер Карл Иванович Богданович, помощник начальника экспедиции горный инженер С. П. Кишенский, астроном корпуса флотских штурманов штаб-капитан Николай Николаевич Лелякин, врач и естествоиспытатель Николай Васильевич Слюнин и два штейгера. Н. В. Слюнин оставил обширное описание края, составленное по собствен-

⁴⁵ Записки Имп. Академии наук, том LX. СПб., 1889, приложение № 5.

⁴⁶ И. С. Поляков. Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг., стр. 111.

К. И. БОГДАНОВИЧ
(1864—1947 гг.)

ным наблюдениям и с использованием большого числа материалов других экспедиций.

Экспедиция вышла из Николаевска-на-Амуре и лето и осень провела на западном побережье Охотского моря, базируясь сначала на Аян, а в октябре — на Охотск. Из этих мест Слюнин совершил множество путешествий по побережью и внутрь страны. На юг эти поездки продолжались до Чумикана. Слюнин отводит вторую главу книги «Охотско-Камчатский край» географическому очерку Охотского побережья от Удской губы до р. Пенжина. Рассматривается история исследования территории, дается географическая характеристика Оймяконского плоскогорья, Колымского хребта, рассматриваются вопросы геологии (геогнозии), гидрологии и гидрографии Охотского моря и района (реки, озера, приливы и отливы, бары в устьях рек, бухты, острова). Слюнин отмечает, что Майдель первый указал на доминирующее положение (по высоте) Оймяконского плоскогорья и Колымского хребта. Он указывает на отсутствие на побережье крупных озер и объясняет наличие баров почти во всех реках Охотского побережья, подробно описывает реки, указы-

вают на отсутствие у побережья мест, удобных для стоянки судов.

Слюнин считает, что прибрежный хребет следует называть Становым. Он разбирает историю исследования этого хребта и приходит к выводу, что западные склоны хребта более известны, нежели восточные, морские. «Если теперь сопоставить весь скудный материал путешественников, то получается следующая общая орографическая картина: на пространстве между Удским и Охотским Становой хребет (Джугджур — А. А.) круто спускается к Охотскому морю, выполняя всю эту узкую полосу рядом крутых утесов, между которыми нигде нет ни широких долин, ни зеленых пастбищ. Все стекающие с него реки носят горный характер: коротки, мелки, порожисты, с каменистым дном»⁴⁷.

С 15 ноября 1896 г. по 5 апреля 1897 г. Слюнин совершил путешествие по берегу Охотского моря от Охотска до Петропавловска-на-Камчатке и во время этого путешествия делал разъезды в стороны, вглубь материка и полуострова Камчатки, причем три раза перевалил через Камчатский хребет. В апреле-мае следующего года Слюнин изучал рыбные промыслы в Авачинской губе, в июне перебрался в Усть-Камчатск, откуда на долбленой лодке по рекам Камчатка и Еловка доплыл до селения Еловского. После этого на лошадях перевалил через Столбовую тундру и Камчатский хребет и из селения Седанки на пароме спустился до устья р. Тигиль.

После месячной остановки Слюнин на пароходе «Котик», вместе с Богдановичем, отправился в Гижигинскую тундру искать золото по р. Авековая. После безуспешных поисков он из Гижиги на том же пароходе отправился в Пенжинскую губу, где Богданович искал каменный уголь. Поиски оказались безуспешными и экспедиция пришла в Петропавловск. Слюнин здесь заболел и смог продолжить исследования только в январе 1898 г. Из Петропавловска он отправился через хребет к Большерецку, затем оттуда в с. Облуковино, где присоединился к остальным членам экспедиции. Отсюда по западному берегу Слюнин дошел до селения Явина и снова перевалил через хребет к вершинам р. Камчатка. Из Петропавловска во Владивосток Слюнин ушел 20 мая на пароходе «Хабаровск». За время своих путешествий Слюнин по сухопутью прошел и проехал около 4,5 тыс. верст, морем на пароходах и шлюпках прошел около 3,5 тыс. верст, посетил 85 селений.

Географическому описанию Камчатки посвящена третья глава монографии, в которой Слюнин старался дать «по возможности полную общую картину, как физической природы, так экономической, бытовой и умственно-религиозной жизни здешних

⁴⁷ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание, т. I. СПб, 1900, стр. 100.

Н. В. СЛЮДИН
(1850—1925 гг.)

инородцев»⁴⁸. Слюдин поддерживает Г. Майделя в его утверждении, что камчатские хребты ничего общего не имеют с колымскими. Он считает, что до Камчатской вершины (Ганальской тундры) Камчатский хребет идет одной цепью, а после этого места распадается на две цепи: Камчатский или Средний хребет и Восточная Камчатская цепь.

Большого внимания заслуживает четвертая глава его монографии о климате. Здесь на основе анализа многочисленных и многолетних метеорологических наблюдений рассматриваются вопросы влияния широты и близости моря на климат Охотского побережья и Камчатки, говорится о значении хребтов в распределении температуры, ветров, влажности на Камчатке, рассматривается распределение давления, температура, влажность.

Подробно описана история исследования Охотско-Камчатско-Чукотского края. Второй том сочинения составляют приложения. Сюда вошли примечания и дополнения, результаты метеорологических наблюдений, сами метеорологические наблюдения, список растений, список животных, статистические данные

⁴⁸ Н. В. Слюдин. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание, т. I, стр. VIII.

и большая библиография. Остальные главы сочинения представляют собой капитальные исследования по флоре, фауне, экономике края. Труд Н. В. Слюнина — крупный вклад в дело изучения Дальнего Востока не только в естественно-историческом, но также и в экономическом отношениях.

ПУТЕШЕСТВИЯ В. Л. КОМАРОВА

Крупнейший ученый, в советское время — президент Академии наук СССР, Владимир Леонтьевич Комаров с 1895 г. и до конца своих дней интересовался Дальним Востоком и проводил преимущественно ботанические исследования. Исследования на Дальнем Востоке Комаров начал путешествием в 1895 г. по Амуру от Хабаровска до Благовещенска и в районе Дальнереченска. На Дальний Восток он добрался на пароходе через Одессу, Суэц, Индийский океан. Зимой Комаров оставался в Благовещенске и обрабатывал материалы. В результате в 1896 г. вышла работа «Условия колонизации Амура», в которой наряду со статистическими данными о населении Комаров «анализирует рельеф, климатические особенности, почвы и другие физико-географические особенности в пределах Амурской области»⁴⁹. Весной 1896 г. Комаров направился из Уссурийска для исследования центральной части Манчжурии. Он прошел по Приханкайской степи и дошел до Гирина. К осени он возвратился во Владивосток и морем отправился в Одессу, откуда прибыл в Петербург.

В Географическом обществе заинтересовались работами молодого ученого и поддержали его начинания, выделили средства для новой экспедиции. Комаров тем же путем вернулся во Владивосток и в 1897 г. снова продолжил исследования Манчжурии. На этот раз он с партией прошел по долинам рек Тумынган и Ялу, дошел до Мукдена и, возвратившись в Петербург, привез много географических и, особенно, ботанических наблюдений, коллекций. На основании этих экспедиций Комаров написал три тома превосходного исследования «Флора Манчжурии». Географическое общество удостоило его за эти работы золотой медали имени Н. М. Пржевальского.

В 1902 г. Комаров исследует Восточные Саяны, а с 1908 г. — Камчатку и проводит здесь глубокие разносторонние географические исследования. Природа Камчатки, несмотря на экспедиции многих исследователей, не была еще достаточно изучена. В 1908—1909 гг. Комаров прошел со своей экспедицией от Петропавловска и Большерецка до Тигиля.

Основными сотрудниками Комарова в первом путешествии были Э. К. Безайс, Л. Г. Раменский, В. П. Савич и двоюродный брат С. Н. Поршняков. Из Петербурга Комаров выехал 21 апре-

⁴⁹ И. И. Мещанинов. В. Л. Комаров. Краткий очерк жизни и творчества. В кн.: В. Л. Комаров. Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1945, стр. XII.

ля 1908 г. в отдельном вагоне, предоставленном в распоряжение экспедиции. В Петропавловск вышли из Владивостока на норвежском пароходе «Эйтин» 18 мая и 26 мая прибыли к месту назначения.

Первое время было посвящено частым экскурсиям в окрестностях Петропавловска и вокруг Авачинской губы, а затем начались поездки по Камчатке. В этом же году экспедиция возвратилась во Владивосток, откуда Комаров ездил в Петербург. В следующем, 1909 г. он — снова на Камчатке, изучает растительность, интересуется Паратунскими горячими ключами, делает много географических наблюдений.

Обработав все материалы двухлетних исследований, Комаров написал монографию в трех томах «Флора полуострова Камчатка», вышедшую в свет только в 1927—1930 гг. В этой работе Комаров дал районирование растительности Камчатки: Тигильский, Большерецкий — районы сахалинской и курильской иммиграции растений; Океанский гористый район на восточном побережье с коренной камчатской флорой; Центральная Камчатка, покрытая хвойным лесом; Западные тундры; Северный район.

Комаров подразделяет Камчатку на следующие зоны: зона долинной и горной растительности; зона морского берега; зона хвойного леса и леса из белой березы; зона высоких лесов; зона субальпийских внутренних зарослей; зона альпийских лугов и тундр; зона вулканических конусов и скалистых гребней с рассеянной растительностью, не образующей сомкнутого покрова. «Флора полуострова Камчатка» содержит описание 825 видов растений, из которых 74 описаны впервые.

Несмотря на явное преобладание в трудах Комарова геоботанических элементов, в них есть и разбор физических явлений, рассматриваются вулканы и горы, горячие источники, реки, озера и др. Особенно интересны выводы Комарова об орографическом строении Камчатки и о климате полуострова: «За исключением прибрежной равнины западного берега, вся Камчатка является типичной горной страной. Даже в наиболее широких местах ее долин горизонт везде сжат горами. Климат Камчатки благодаря ее островному положению довольно мягкий, но с очень поздней весной и коротким летним периодом»⁵⁰.

После камчатских путешествий Комаров в 1913 г. совершил экспедицию в Южно-Уссурийский край, изучая его природу и особенно растительность. В этот раз он был не один, а с большой партией помощников, которые работали в разных районах, и, таким образом, Комарову удалось охватить исследованиями почти все районы Южно-Уссурийского края. Сам Комаров совершил экспедицию к озеру Ханка, посетил долины рек Супутинка, Артемовка, Илистая, Арсеньевка, Партизанка и морское побережье вдоль тракта из Шкотава к устью р. Партизанка.

⁵⁰ В. Л. Комаров. Избранные сочинения, том VI. 1950, стр. 396.

Работы Комарова «Флора Манчжурии», «Флора полуострова Камчатка» и «Труды по Сибири и Дальнему Востоку (Приморская область, Южно-Уссурийский край)» нужны по сей день всем ботаникам, географам, исследователям различных направлений, работающим в Сибири и на Дальнем Востоке. Долгие годы будут служить настольной книгой труды Комарова по геоботанике Дальнего Востока. Географ всегда найдет в них ценное и необходимое для своих работ.

ПУТЕШЕСТВИЯ В. К. АРСЕНЬЕВА

Талантливый писатель, неутомимый путешественник, друг малых народов Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев всю свою жизнь посвятил исследованию Дальнего Востока. Одно перечисление его маршрутов по Дальнему Востоку займет много места, поэтому просто не представляется возможным в данной работе подробно излагать путешествия Арсеньева. Ограничимся здесь общей характеристикой этих путешествий.

Арсеньев начал исследования края в 1900 г. Сначала это были служебные задания по переписи населения, о наведении порядка в Южно-Уссурийском крае, где хунхузы терроризировали местных жителей. В 1902 г. Арсеньев совершил первое путешествие от Владивостока до оз. Ханка. В 1906 г. он прошел по побережью от Шмаковки до бухты Ольги и далее до залива Пластун, откуда перевалил через Сихотэ-Алинь и вышел к Дальнереченску. Оба эти путешествия описаны В. К. Арсеньевым в книге «По Уссурийской тайге». Там есть отличное описание Сихотэ-Алиня: «Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть от каких-либо других причин, здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на каньоны. Казалось, будто горы сами дали трещины, и эти трещины разошлись. По дну оврагов бежали ручьи, но их не было видно; внизу, во мгле, слышно было только, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покойнее, и тогда в рокоте ее можно было уловить игривые нотки. Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишенных растительности»⁵¹.

1907 г. застал Арсеньева снова в пути. На этот раз он от залива Пластун, куда экспедицию доставили на военном судне, прошел вдоль берега до р. Крепостная, повернул там обратно и у мыса Олимпиады перевалил снова через Сихотэ-Алинь и вышел к р. Бикин. Надо сказать, что во всех экспедициях Арсеньев часто допускал большие отступления от первоначально намеченных маршрутов. Обычно эти зигзаги делались по долинам рек, попадающимся по пути следования.

⁵¹ В. К. Арсеньев. Сочинения. Примиздат. Владивосток, 1947, т. I, стр. 276.

В. К. АРСЕНЬЕВ
(1872—1930 гг.)

В 1908—1910 гг. Арсеньев еще три раза пересек Сихотэ-Алинь. Конечными пунктами его выходов к морю были населенные пункты Датта, Коппи, Самарга. Каждое такое путешествие сопровождалось съемкой местности, многочисленными и красочными описаниями природы, жителей, их быта. Арсеньев, хорошо знакомый с языками местных народностей, очень верно передает происхождение многих названий на географической карте Приморья и Уссурийского края. Так мы узнаем перевод слова Сихотэ-Алинь в весьма любопытном толковании, указывающем на правильное представление местных жителей об орографии своей страны. «Реки, впадающие в Японское море, в сравнении с реками, составляющими систему реки Уссури, невелики. Отсюда и название хребта Сихотэ-Алинь, что значит в буквальном переводе на русский язык «Западных больших рек хребет», и действительно, к западу от него текут такие реки, как Павловка, Ното, р. Уссурка, Бикин, Хор и другие⁵².

В сочинениях Арсеньева много сведений по геологии, истории исследований, фауне и флоре Уссурийского края и При-

⁵² В. К. Арсеньев. Сочинения. Примиздат, Владивосток, 1949, т. V, стр. 13.

морья. Арсеньев уделял большое внимание исследованию страны и неоднократно представлял начальству рапорты о необходимости изучения р. Уссури. «Обследование реки Уссури,— писал он 12 февраля 1914 г.,— ...во всех этих отношениях представляется весьма интересным. Не малый интерес доставляет обследование северной части озера Ханка, о которой у нас ни в административных архивах, ни в русской литературе сведений совершенно не имеется»⁵³.

В рапорте от 12 февраля 1914 г. Арсеньев просит начальство отпустить его еще раз в экспедицию. И видимо, если бы не мировая война, то экспедиция Арсеньева была бы осуществлена. Поскольку об этом до сих пор не было упоминаний в нашей литературе, то мы приводим интересующую нас часть документа целиком.

«С 1900 года я продолжаю работу, начатую покойным Ф. Ф. Буссе... К сегодняшнему дню я имею описанных 128 старинных укреплений и городищ. Материал этот я думаю издать в виде особого атласа в трудах вновь образовавшегося Историко-археологического отделения при Приамурском Отделе Императорского Русского Географического общества.

С 1906 года я работаю по этнографии над орочами удахе. За семь лет мне удалось собрать значительный материал, касающийся этого вымирающего народца и составить словари общий и шаманский; но в моих работах есть много таких пробелов, которые видны только мне самому, есть вещи для меня еще не понятные, есть вещи, которые я недостаточно себе еще выяснил, есть недомолвки, есть пропуски и т. д.

Для того, чтобы закончить эту работу, мне надо бы съездить еще один раз к орочам. Я хотел бы отправиться на р. Хор, подняться до ее истоков, перевалить горный хребет (узел хр. Сихотэ-Алиня) и спуститься по р. Анюю»⁵⁴.

Сочинения Арсеньева открыли много нового в природе Уссурийского края. Его трудами была до мельчайших подробностей изучена гидрографическая сеть Сихотэ-Алиня, нарисована картина орографии Приморья и Уссурийского края, дана блестящая характеристика населения этих районов. Наконец, многочисленными читателями познакомились с замечательным следопытом Дерсу Узала. Книги Арсеньева и по сие время с огромным удовольствием читают миллионы советских и зарубежных читателей⁵⁵.

Исследованию богатого наследия Арсеньева посвящено много трудов, но как географ он, пожалуй, всерьез не рассматривался. Между тем, как показывает наше краткое рассмотрение, он внес большой вклад в географическое изучение Дальнего Востока.

⁵³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 715, л. 73.

⁵⁴ Там же, л. 73-об.

⁵⁵ В. К. Арсеньев. Сочинения, тт. 1—5. Примиздат, Владивосток, 1947—1949 гг.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ЭКСПЕДИЦИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

Работы Геологического комитета на Дальнем Востоке связаны больше всего с изучением острова Сахалина. После работ Шренка, Шмидта, Мицуля, Полякова на Сахалине наступило некоторое затишье в географических исследованиях. Исключением были, пожалуй, топографические и гидрографические работы.

В 1865—1868 гг. сотник Белкин и топограф Павлович из Сибирского военно-топографического отдела сняли мензульной съемкой в масштабе 1 верста в дюйме западный и южный берега Сахалина от лимана Амура до залива Терпения. Всего было снято более 1500 верст берегового маршрута, несколько перевалов с одного берега на другой и произведены рекогносцировочные маршруты внутрь острова, снятые глазомерно.

В 70-х гг. XIX в. впервые стало известно о нефтяных месторождениях Сахалина от николаевского купца А. Б. Иванова. В 1880 г. он сделал уже официальную заявку об этом в правительство. Но устройство нефтяного промысла на Северном Сахалине связано с именем лейтенанта Г. И. Зотова, который у деревни Тамлево в 1895 г. устроил первую нефтяную вышку⁵⁶.

Летом 1894 г. на крайнем севере Сахалина побывал политический ссыльный поселенец Лев Яковлевич Штернберг. Перед этим он ходатайствовал о разрешении ему совершить путешествие с естественно-историческими целями по маршруту Александровск-на-Сахалине — Владивосток — Хабаровск — Николаевск-на-Амуре. Затем он собирался пройти до Тугурской бухты и обратно до селения Чоме в лимане Амура, и отсюда — кратчайшим путем возвратиться на Сахалин⁵⁷. Пока решался этот вопрос, А. Я. Штернберг на нивхской лодке из селения Танги на западном берегу Сахалина в сопровождении рулевого, четырех нивхов, дошел до Виахту, где к нему присоединился фотограф из ссыльных и все вместе двинулись дальше на север. Небольшая экспедиция дошла до мыса Марни, обогнула его и 16 августа была уже в заливе между мысами Марии и Елизаветы. Отсюда путешественники повернули обратно и 20 сентября были в Александровске-на-Сахалине, пройдя в общей сложности 840 верст: 120 на катере, 50 — пешком и 570 — на лодках.

Штернберг снял на карту все пройденное побережье и сделал много любопытных географических, этнографических и других записей. Впервые были сделаны фотографии северного Сахалина⁵⁸.

По возвращении Штернберг узнал, что ему было разрешено идти в экспедицию по Приамурью, и немедленно уехал для изучения быта нивхов и других народностей Нижнего Амура.

⁵⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, д. 2786, лл. 1—3.

⁵⁷ Там же, д. 1305.

⁵⁸ Сахалинский календарь на 1896 год. Сахалин, 1895, отдел II, стр. 16—53.

Научные работы велись на Сахалине и Н. А. Пальчевским, который был во главе Переселенческой экспедиции. С 1907 г. все систематические исследования Северного Сахалина перешли в ведение Геологического комитета. Сначала, в 1906 г., там сделал разведку К. Н. Тульчинский, затем действовала экспедиция Э. Э. Анерта (1907 г.). В составе ее был топограф С. Г. Куссов, который снял в двухверстном масштабе с горизонталями через десять саженей маршрут от Александровска до устья р. Тымь и восточный берег Ныйского залива до залива Чайво.

С 1908 по 1910 г. от Геологического комитета, Министерства торговли и промышленности на Сахалине работали две партии под руководством Н. Н. Тихоновича и П. И. Полевого. Топографы этих партий произвели большие работы по съемке местности. В 1908 г. Д. Е. Панфилов снял полуостров Шмидта в двухверстном масштабе и увязал съемку по восточному берегу со съемкой С. Г. Куссова. В 1909 г. Панфилов на западном берегу произвел съемку от мыса Тык до р. Мынгинная и на юге до мыса Рогатый. Промежуточная береговая полоса снята военным топографом М. С. Соловьевым. В 1910 г. И. В. Роханский произвел съемку от залива Набиль до мыса де ла Кройера на восточном берегу, а далее ее провел Е. М. Хват. На западном склоне восточного хребта до водораздела прошли маршрутами по рекам Пиленга, Тымь, Поронай и их притокам М. С. Соловьев и С. М. Блинов.

Квалифицированные и полные съемки Северного Сахалина, дополненные съемками, выполненными морскими офицерами и гидрографическими экспедициями, позволили создать карту Северного Сахалина в 10-верстном масштабе. Вся береговая линия была снята, а концы этой съемки по обоим берегам увязывались работами Разграничительной комиссии 1906 г. Сначала была на этой основе создана 20-верстная карта Северного Сахалина, а затем уже перешли к 10-верстной. Карта составлена в конической проекции Гаусса для параллели касания 44° . Средний меридиан для карты $142^{\circ}30'$, крайние меридианы 141° и 144° , а параллели 50° и $54^{\circ}30'$. Выбор таких границ оказался удачным — вошла вся территория Северного Сахалина. Для карты были выбраны лучшие 14 на Сахалине и 6 на материке астрономических пунктов. Карта вышла точной, хотя недостатком ее было отсутствие детализации внутренних районов. По существу, она была картой береговой линии. Внутренние районы острова представлены на ней только немногими маршрутами.

Как и во всех геологических экспедициях, в экспедициях Геологического комитета было много материалов, непосредственно относящихся к географии; они были собраны для того, чтобы обеспечить специальные геологические изыскания. Можно считать, что наиболее существенным наряду с поисками полезных ископаемых, и, особенно, нефтеносных районов Охи — Москальво, было создание 10-верстной карты Северного Сахалина.

Сравнительная картосхема изображения береговой линии на картах дальневосточных морей.

1—1724 г.; 2—1800 г.; 3—1865 г.; 4—1922 г.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ СЪЕМКИ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ВОЕННЫХ ТОПОГРАФОВ ПО БЕРЕГУ ЯПОНСКОГО МОРЯ

Первые работы военных топографов на побережье Японского моря относятся к 1859 г., когда Василий Матвеевич Бабкин поднял вопрос о систематической съемке и промере Амурского лимана, залива Петра Великого и всего побережья Японского моря в русских границах. Естественно, что съемками побережья больше всего занимались гидрографические специальные подразделения, экспедиции, партии, отряды, отдельные офицеры — но большой вклад в это дело внесли и топографы.

В 1859 г. военные топографы впервые произвели съемку береговой линии залива Петра Великого. В 1865—1868 гг. много поработали по съемке побережья топографы во главе с сотником Белкиным. Вместе с Павловичем за это время ему удалось снять более 1500 верст береговой линии мензуральной съемкой в масштабе 1 верста в дюйме. 50 планшетов этой съемки охватили все побережье от залива Петра Великого до устья Амура, включая и Сахалин. В результате таких совместных усилий были составлены новые карты на Татарский пролив и Сахалин, значительно уточнившие карты Н. В. Рудановского.

В 1874 г. на побережье Японского моря работала экспедиция Иркутского отделения Генерального штаба под руководством подполковника корпуса топографов Л. А. Большева, в составе которой были классные топографы Василий Клементьевич Ванин, Федор Александрович Силантьев, Александр Ильич Сосунов, Петр Степанович Гроссевич, Андреев, Павловский, Краморев, поручик Иванов, подпоручик Егоров, прапорщик Павлович, сотник Белкин в сопровождении 92 рядовых 1-го линейного Сибирского батальона. Этой экспедицией проделаны большие работы на побережье от залива Чихачева до заливов Пластун и Джигит. Экспедицией снята на карту полоса берега шириной в три версты, осмотрено несколько рек в глубину материка до 30 верст. Общая длина осмотренного и снятого берега около 800 верст. Точная мензуральная съемка дала подробные планы отдельных участков берега (47 планшетов), которые, к сожалению, не были увязаны в одно целое. Топографические работы велись и в другое время и другими экспедициями, но все они лишь корректировали съемку экспедиции Большева. В результате работ экспедиции на карте побережья появились новые названия и в том числе бухта Ванина.

ГИДРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гидрографические исследования составили значительную часть географических работ. Они сопровождались обширными наблюдениями по океанологии, метеорологии; наблюдения, ре-

зультаты которых необходимы для создания морских карт (магнитные, гидрологические, астрономические определения и др.), не прекращались ни на один год почти по всему побережью Дальнего Востока.

Как уже отмечалось, после работ Амурской экспедиции центр тяжести исследований переместился на юг Дальнего Востока. В первую очередь это коснулось гидрографических работ, призванных обеспечивать безопасность мореплавания. В конце 50-х годов гидрографическими работами в заливе Петра Великого занималась штурманская часть Сибирской флотилии под руководством В. М. Бабкина. Она произвела первые промеры и исследования в Амурском лимане, у побережья Японского моря и в заливе Петра Великого. Но для удовлетворения нужд мореплавателей необходима была постоянно действующая организация, которая могла бы не только обслуживать мореплавание, но и вести широкие гидрографические исследования.

Начало такой организации положила командировка Константина Степановича Старицкого (1865—1870 гг.) на Дальний Восток. После длительных рейсов, многочисленных астрономических определений и магнитных съемок Старицкому удалось определить на русском берегу Японского моря ряд основных астрономических пунктов, которые позволили значительно исправить существующие карты и послужили основой для последующих гидрографических работ. Старицкому удалось увязать съемку берегов Берингова, Охотского и Японского морей между собой, а также и с главнейшими пунктами Японии, причем он ввел русские хронометрические связи в соединение с подобными же работами иностранцев в Японском, Желтом и Восточно-Китайском морях. На пространстве от 15° до 62° северной широты и от 114° до 160° восточной долготы им определено 37 астрономических пунктов, из которых 14 — на русском берегу Японского моря, 12 — на Сахалине, 5 — в Охотском море и на Камчатке, 3 — на японских островах и в китайских водах⁵⁹.

Старицкий произвел также значительные гидрографические работы, описал отдельные районы на Сахалине, произвел промер у о-ва Моннерон и другие. Старицким были произведены 16 измерений глубин Охотского моря, которые дали первое представление о его рельефе. Подобные измерения производились и в Японском море и дали возможность Старицкому сделать правильные выводы, что «Японское море есть один из весьма глубоких бассейнов» и что часть Тихого океана около Курильских островов «очень глубока»⁶⁰. Географическое общество присудило Старицкому медаль имени Ф. П. Литке.

⁵⁹ К. С. Старицкий. Гидрографическая командировка в Восточный океан. СПб, 1873, стр. 57.

⁶⁰ К. С. Старицкий. Несколько измерений больших глубин Охотского и Японского морей, Тихого и Индийского океанов. Грунты. Водоросли. Морской сборник, 1873, № 6, стр. 73—113.

Астрономические и гидрографические работы Старицкого продолжили Лев Петрович Елагин и Михаил Люцианович Онацевич в течение 1870—1877 гг. Елагин сумел определить 20 астрономических пунктов. Под его руководством производились гидрографические работы в Уссурийском и Амурском заливах.

Производил он и гидрологические наблюдения, главным образом, над температурой воды на глубинах и был пионером таких исследований в этих морях.

Гидрографические исследования Онацевича продолжались в основном в районе Японского моря, но в 1875 и 1876 гг. он побывал в Охотском, Беринговом и даже Чукотском морях. Там он занимался астрономическими определениями и много внимания уделял гидрологическим наблюдениям, опубликовав затем книгу «Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 г.», которой дал схему течений, весьма близкую к современным представлениям⁶¹.

Начиная с 1880 г. на Дальнем Востоке работает специальная гидрографическая экспедиция, называвшаяся поначалу «Отдельной съемкой Восточного океана». Первым ее начальником вместо скоропостижно скончавшегося Онацевича был назначен Алексей Семенович Стенин. За время своего существования (1880—1898 гг.) Отдельная съемка Восточного океана сначала под руководством Стенина, затем с 1889 г. Александра Петровича Андреева и, наконец, с 1894 г.— Эдуарда Владимировича Майделя сосредоточила основное свое внимание на заливе Петра Великого, Татарском проливе и Амурском лимане и добилась значительных результатов. Главным из них было окончание описи залива Петра Великого. Эта опись — «первая большая основательная гидрографическая работа в наших водах, исполненная научно, правильно и точно»⁶², по характеристике М. Е. Жданко. Одновременно была составлена первая лоция залива Петра Великого.

8 января 1898 г. была организована на базе Отдельной съемки Гидрографическая экспедиция Восточного океана, которая должна была начать систематические работы с лимана Амура и с Охотского моря. Начальником ее был назначен Михаил Ефимович Жданко, которого сменил на этом посту Борис Владимирович Давыдов. Гидрографические работы развивались успешно. В 1902—1909 гг. стало возможным издать первую русскую лоцию (подробнейшее описание береговой черты) северо-западной части Восточного океана, составленную С. Р. де-Ливроном. В первые годы нашего столетия в связи с русско-японской войной экспедиция была призвана обслуживать военные нужды.

⁶¹ М. Л. Онацевич. Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 г. Морской сборник, 1877, №№ 7, 8.

⁶² М. Е. Жданко. Исследование побережий Берингова и Охотского морей и нужды их по улучшению сообщений. Журнал Министерства путей сообщения, СПб, 1908, кн. 6, стр. 163—164.

В 1908—1910 гг. главное внимание было уделено Татарскому проливу и лиману Амура. Но вместе с тем велись и отдельные съемочные, описные работы в Беринговом и Охотском морях. Начиная с 1911 г. центр тяжести гидрографических работ переместился в Охотское море. Эти работы продолжались вплоть до 1920 г. включительно и охватили все побережье Охотского моря и вышли на восточный берег Камчатки. В 1915 г. закончились работы по описи Пенжинской губы, затем завершились работы в наиболее трудной части Охотского моря — юго-западной и в районе Шантарских островов. Гидрографические работы были приостановлены в 1920 г. в районе бухты Карага на Камчатке (с охватом острова Карагинского).

Еще весной 1919 г. своими силами личный состав экспедиции составил и издал генеральные карты всех русских побережий Охотского моря в масштабе 10 миль в дюйме. А в 1923 г. увидел свет капитальный труд экспедиции, обобщенный Давыдовым: «Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно». Лоция была издана во Владивостоке. Лоция Давыдова была итогом деятельности русских гидрографов на Дальнем Востоке.

Было бы неправильно думать, что гидрографические работы велись только названными специальными гидрографическими экспедициями. Мы уже упоминали, что к этим работам причастны все моряки, плававшие в тех водах. Но разбор их вклада в гидрографию Дальнего Востока — дело специального исследования. Хотя и здесь нельзя не упомянуть таких энтузиастов исследователей, как Фридольф Кириллович Гек, офицеры клипера «Абрек», лодки «Горноста́й», клипера «Джигит» и др.

Являясь составной частью географического изучения, гидрографические исследования в рассматриваемый период приняли систематический характер, благодаря чему почти вся береговая линия дальневосточных морей (исключая участок Берингова моря от мыса Дежнева до Карагинского острова) была со всей возможной точностью нанесена на карту. В эти же годы было составлено обстоятельное навигационно-гидрографическое описание (лоция) этих морей и их берегов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Географические исследования Дальнего Востока проводились в связи с практическими нуждами страны. Если в первый период (первая половина XIX в.) наибольшее внимание правительства привлекали русские владения в северной части Тихого океана и в Северной Америке, то, естественно, этим обуславливалось и стремление наиболее полно во всех отношениях (и географически, в том числе) изучить эти земли и моря. В 60-х годах XIX в. весь упор делался на освоение районов на юге Дальнего Востока. Это заставило все работы по географии перенести сюда и именно к этому времени относятся знаменитые экспедиции натуралистов (Шренк, Максимович, Радде, Маак, Пржевальский, Венюков и другие), появились на свет классические описания Уссурийского края, Приморья и Приамурья с Сахалином.

Большой вклад в географическое изучение Дальнего Востока внесли отделы и филиалы Географического общества (и в частности Сибирский, а затем Восточно-Сибирский отдел) и Академия наук, а также Переселенческое и Гидрографическое управления. Подавляющее большинство экспедиций было организовано этими научными организациями и ведомствами.

Советские ученые получили солидное наследство в смысле географической изученности Дальнего Востока.

Лучше других территорий были изучены Приамурье, Приморье и Уссурийский край. Они получили широкое физико-географическое освещение, когда ставился вопрос о годности земель для переселения сюда жителей из средней полосы России. Трудями ученых натуралистов было положено начало освоению плодородных долин Амура и Усури, налажено регулярное пароходное сообщение по этим рекам из районов Восточной Сибири до берегов Тихого океана. В одной из лучших бухт мира Золотой Рог вырос первоклассный русский тихоокеанский порт Владивосток. В дореволюционное время по существу еще не было положено начало использованию богатейших полезных ископаемых и других ресурсов юга русского Дальнего Востока. Все это стало возможным только после Великой Октябрьской социа-

листической революции. Но научная основа использования богатств недр, растительного и животного мира была заложена уже в дореволюционное время. В главнейших своих чертах природа и климат Приамурья, Приморья, Уссурийского края и Сахалина были известны русским ученым.

Несколько хуже обстояло дело с районами Чукотки, Камчатки и Охотского побережья. Если Камчатка имела своих исследователей в лице геолога Дитмара, ботаника и географа Комарова, то Чукотка и Охотское побережье не были в достаточно равноценной степени изучены побывавшими там экспедициями Майделя и Слюнина. География Камчатки была известна в такой степени, что дореволюционных исследований было достаточно, чтобы на их основе сравнительно легко продолжать изучение полуострова в советское время. Чукотка и Охотское побережье практически остались на том уровне географической изученности, какое они получили в результате работ русских моряков в XVIII в. И лишь только работы советских географов вывели географические исследования этих районов на уровень остальных. В результате многолетних гидрографических работ береговая линия Японского, Охотского и Берингова морей была изучена достаточно хорошо и служила важной опорой для многочисленных сухопутных экспедиций.

Составленная нами сравнительная картосхема изображения береговой линии на картах дальневосточных морей наглядно отражает состояние географической изученности территории Дальнего Востока в различные периоды. В XVIII в. географическая изученность северных районов региона выше, нежели южных. Чукотка и Курильские острова по своему положению не на много отличаются от современного изображения на картах. Характерно, что по данным 1724 г. Сахалин нанесен островом, а 1800 г. — уже полуостровом.

В XIX в. в связи с увеличением внимания к изучению южных районов Дальнего Востока заметно резкое исправление очертаний побережья на картах и приближение к современному нанесению. Хочется отметить еще одну особенность: вследствие несовершенства астрономических определений и особенно долготных измерений в XVIII в. резко заметно преобладание долготных ошибок перед широтными в определении координат.

Русские географические исследования Дальнего Востока в XIX — начале XX вв. явились составной частью русских географических исследований, проводившихся под руководством Русского Географического общества в широких масштабах по всей территории России и за рубежом. Географические исследования на Дальнем Востоке в это время обогатили русскую географическую науку новыми сведениями об орографической системе Станового, Колымского и Камчатского хребтов. Эти исследования сделали возможным изучение бассейнов Амура с притоками, Колымы и Анадыря. Было установлено и изу-

чено положение хребта Сихотэ-Алинь как водораздела Уссурийского края и Приморья. Достаточно полно были уяснены основные черты климата Дальнего Востока. На весь Дальний Восток Россия получила географические карты необходимой точности. Много нового для науки дали геологические, зоологические, ботанические и другие исследования на Дальнем Востоке.

Географические исследования XIX — начала XX вв. на Дальнем Востоке явились существенным вкладом в русские географические исследования и в теорию географической науки. В советское время Дальний Восток превратился в огромную социалистическую стройку. Дальневосточный научный центр Академии наук СССР, многие другие научные организации ведут огромную работу по географическому изучению необъятных просторов Дальнего Востока и омывающих его морей. Успешному решению этих великих задач сопутствуют и географические исследования, о которых рассказано в этой книге.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Русские географические исследования Дальнего Востока и север-западной части Северной Америки с начала XIX в. и до 60-х годов	5
Работы офицеров и служащих Российско-Американской компании. Путешествие в Северную Америку Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова	5
Исследования И. Г. Вознесенского	17
Географические работы на тихоокеанском побережье России	19
Опись восточного берега Камчатки	24
Дальневосточные исследования участников кругосветных плаваний	25
Амурская экспедиция Г. И. Невельского	29
Экспедиция Генерального штаба и Географического общества	37
Путешествия Л. И. Шренка по Амуру и на Сахалин. Экспедиция Р. К. Маака на Амуре	39
Геолого-географические работы К. Дитмара на Камчатке	46
Начало исследования Уссурийского края	48
Большая Сибирская экспедиция Географического общества	49
Основные результаты географических исследований	54
Географические исследования Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX века	56
Экспедиции П. А. Кропоткина по Амуру, Сунгари и Манчжурии	56
Экспедиция И. А. Лопатина на Сахалин	59
Дальневосточное путешествие Н. М. Пржевальского	61
Деятельность М. С. Мицуля на Сахалине	66
Путешествие на Сахалин И. С. Полякова и А. М. Никольского	69
Путешествие по Охотско-Камчатскому побережью К. И. Богдановича и Н. В. Слюнина (1896—1897 гг.)	74
Путешествия В. Л. Комарова	78
Путешествия В. К. Арсеньева	80
Географические работы экспедиций Геологического комитета	83
Топографические съемки офицеров Корпуса военных топографов по берегу Японского моря	85
Гидрографические исследования	85
Заключение	89